

A movie poster for 'Odyssey'. In the center is Odysseus, played by Vasiliy Zhukovskiy, wearing a golden Greek-style tunic and a sword. He has a serious expression. Behind him, his crew is shown in various states of distress and combat. To the left, two women with pale skin and wild hair scream. To the right, a large, muscular Cyclops (Polyphemus) roars. In the background, a winged figure (Hermes) flies through a stormy sky. The title 'ОДИССЕЙ' is at the top in a glowing yellow font, and 'ОДИССЕЯ' is at the bottom in large white letters. The overall tone is epic and dramatic.

ВОКРУГ ФИЛЬМА

ОДИССЕЙ

ГОМЕР
ВАСИЛИЙ
ЖУКОВСКИЙ

ОДИССЕЯ

**О СТРАНСТВИЯХ И ПОДВИГАХ
В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ И ПОВЕСТВОВАНИИ**

Вокруг фильма

Гомер

**Одиссея. О странствиях и
подвигах в иллюстрациях
и повествовании**

«Алисторус»

2026

УДК 821.14
ББК 84(0)3-4

Гомер

Одиссея. О странствиях и подвигах в иллюстрациях и повествовании / Гомер — «Алисторус», 2026 — (Вокруг фильма)

ISBN 978-5-00269-628-4

Одиссей – один из главных героев в истории человечества. Путешественник, любовник, предприимчивый хитрец, сумевший познать мир. Что может быть увлекательнее его приключений, в которых – и мистика, и романтика, и детективная интрига. В этой книге – вся правда об Одиссее, о его странствиях и подвигах. Как он прошел между Сциллой и Харибдой? Как был возлюбленным нимф? Как спустился в царство мертвых? Читайте Гомера – легендарного древнегреческого поэта и певца – в классическом переводе Василия Андреевича Жуковского. Чтобы глубже понять эту великую поэму, мы начали повествование с очерка об Одиссее, который написал Алексей Федорович Лосев – великий русский ученый, познавший все тайны античности. В кино Одиссей эффектен и привлекателен. Но в оригинале все было еще интереснее... Читайте книгу книг мировой цивилизации.

УДК 821.14
ББК 84(0)3-4

ISBN 978-5-00269-628-4

© Гомер, 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

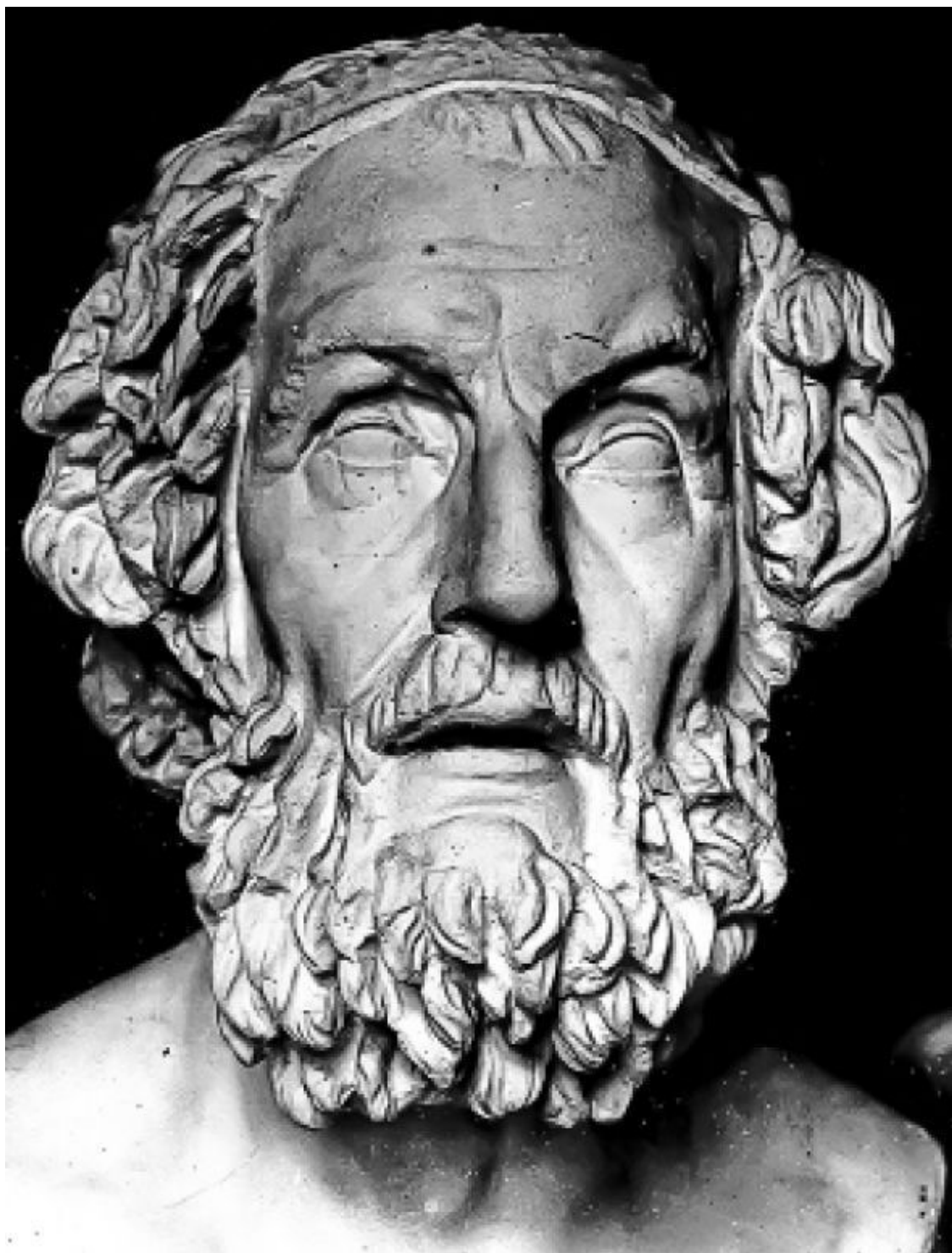
Алексей Лосев	6
Гомер	23
Песнь первая	24
Песнь вторая	37
Песнь третья	48
Песнь четвертая	60
Песнь пятая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Одиссея

О странствиях и подвигах в иллюстрациях и повествовании

© Алдонин С.А., составитель, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Гомер

Алексей Лосев «Одиссея» Гомера

Основным содержанием «Одиссеи» являются сказания о возвращении Одиссея на Итаку после окончания войны с Троей. Возвращение это продолжалось очень долго и заняло целых 10 лет. Однако, если читатель захотел бы узнать о самом первом этапе приключений Одиссея, то 9 ему нужно было бы читать «Одиссею» не с самого начала, а песни IX–XII. В этих песнях Одиссей сам рассказывает о своих странствованиях после отплытия из Трои в течение первых трех лет.

Сначала Одиссей со своими спутниками попадает в страну диких людей – киклонов, потом к мирным лотофагам, которые угощают его сладким лотосом, и потом на остров киклопов, где киклоп Полифем, дикий и людоед, съел нескольких спутников Одиссея и чуть было не уничтожил его самого. Это IX песнь.

Одиссей далее попадает к богу ветров Эолу, который принимает его весьма любезно, но отвергает после инцидента с мешком, где были связанные ветры (спутники вскрыли этот мешок, думая найти в нем сокровища, и Одиссею пришлось опять просить пристанища у Эола). В дальнейшем Одиссей попадает к разбойникам лестригонам и к волшебнице Кирке, которая удерживала его у себя в течение целого года и направила его в подземное царство для узнавания его будущей судьбы. Это X песнь, а беседа Одиссея с душами умерших в Аиде – XI песнь.

В XII песни – приключения Одиссея продолжаются. Путем особого хитрого приема он проезжает мимо острова Сирен, полуптиц, полуженщин, завлекавших к себе всех путников своим сладостным пением и потом их пожиравших, а также между чудовищами Сциллой и Харибдой, между которыми тоже никому не удавалось проехать безопасно. На острове Тринакрии спутники Одиссея пожирают быков Гелиоса, за что бог моря Посейдон уничтожает все корабли Одиссея; и спасается только один Одиссей, прибитый волнами на остров нимфы Калипсо.

Таким образом, песни IX–XII повествуют о приключениях Одиссея после отплытия из Трои до прибытия к нимфе Калипсо. После этого удобно перейти к обзору содержания песен I–IV.

В первой песни ситуация такая. Одиссей живет у нимфы Калипсо уже 7 лет, что составляет вместе с 3 предшествующими годами приключений уже 10 лет. Боги решают, что Одиссею уже пора вернуться домой, и за этим возвращением будет следить Афина Паллада. Действие тотчас же переносится на остров Итаку, что и составляет содержание уже II песни. На Итаке местные владетельные царьки ухаживают за Пенелопой, верной женой Одиссея, ждущей его уже 20 лет и охраняющей его дом от разграбления женихами. Сын Одиссея Телемах отправляется на поиски своего отца, причем в III песни изображается посещение им пилосского царя Нестора, а в IV песни – посещение Менелая и Елены в Спарте. Менелай сообщает Телемаху о пребывании Одиссея у Калипсо. Но сам Телемах исчезает с поля зрения читателя вплоть до XV песни, где он опять появляется, но уже на Итаке.

Песни V–VIII изображают последние дни Одиссея перед прибытием на Итаку.

В V песни Калипсо получает приказание от Зевса отпустить Одиссея, который тут же строит себе корабль и отправляется на Итаку. Однако после 17 дней спокойного плавания его опять настигает Посейдон, поднимает морскую бурю, разбивает корабль Одиссея; и Одиссей только с помощью покрывала благодетельной нимфы Ино (Левкофеи) доплывает до неведомого ему острова, который оказывается страной мореходного народа феаков, весело и привольно живущих под властью царя Алкиноя. В VI песни – выброшенный волнами на берег

Одиссей встречается с царской дочерью Навсикаей, прибывшей на берег моря со своими служанками полоскать белье и провожающей Одиссея в дом своего отца. В VII–VIII песнях – пребывание Одиссея в течение нескольких дней в доме Алкиноя, где он и рассказывает о своих приключениях от Трои до Калипсо в песнях IX–XII.

Алексей Лосев

В XIII песни феаки доставляют Одиссея на Итаку, за что неизменно враждебный к Одиссею Посейдон превращает их корабль в скалу. На Итаке всегдашняя покровительница Одиссея Афина Паллада дает ему разные советы и ради безопасности превращает его в безобразного нищего. В песнях XIII–XVI Одиссей находится в хижине своего старого раба и верного свинопаса Евмея, куда прибывает, как сказано выше, и Телемах. Отец и сын обдумывают план изгнания женихов из дворца и освобождения Пенелопы.

В песнях XVII–XX Одиссей находится уже в своем дворце, но пока еще под видом нищего, что дает ему возможность подробно узнать всю обстановку во дворце.

Песни XXI–XXIV уже рисуют Одиссея в его настоящем виде. Вместе со своим сыном он перебивает всех женихов, открывается Пенелопе и водворяется в собственном доме. Но в XXIV песни ему приходится еще подавить мятеж на Итаке сторонников женихов; только после этого начинается его счастливая мирная жизнь в собственном доме после 20-летнего перерыва.

«Одиссея» тоже может излагаться по отдельным дням, в течение которых происходят изображаемые в ней события. Это разделение по дням в тексте Гомера кое-где не вполне точно выражено. Однако совершенно очевидно, что составитель или составители поэмы разделяли изображение происходящего по дням. Вопреки огромным размерам всей поэмы здесь можно подметить строго определенное и весьма узко ограниченное временем изображение происходящих событий. Если действие в «Илиаде» охватывает 51 день, то в «Одиссее» оно развертывается только в течение 40 дней, причем дней, насыщенных описанием событий, здесь еще меньше, чем в «Илиаде».

1-й день совершенно ясно совпадает с I песнью – совет богов, Афина и Телемах на Итаке. Как показывает первая строка II песни, здесь начало 2-го дня, в течение которого происходит народное собрание на Итаке и приготовление Телемаха к отплытию, III песнь – прибытие Телемаха к Нестору, ночевка у него последнего со 2-го на 3-й день, отправление к Менелая, ночевка Телемаха с 3-го на 4-й день у Диокла и прибытие его на 5 и день вечером к Менелая (начало 5-го дня – III.491). 5-й, а также и 6-й день, который начинается с IV песни (стих 306) Телемах проводит у Менелая. В этой же IV песни рассказывается о событиях на Итаке в связи с отплытием Телемаха (ст. 625–847), которые, очевидно, происходят в эти же дни. Однако V песнь опять начинается с указания, на восход «розоперстой Эос». Следовательно, составитель «Одиссеи» после отклонения к событиям на Итаке вновь возвращается к прерванному рассказу. И, значит, V песнь начинается описанием 7-го дня.

Одиссей

В этот 7-й день – совет богов, Гермес у Калипсо и сооружение Одиссеем плота, которое продолжается в течение 4-х дней. Одиссей работал над своим плотом 4 дня и только на 5-й день отплыл от Калипсо (V.262). Следовательно, это будет уже 11-й день. В стихе V.278 говорится о 17 днях спокойного плавания Одиссея, а в стихе 279 – о двух днях бури, которая, как читаем в стихе 390 сл., успокаивается на третий день. Таким образом, плавание Одиссея кончилось на 31-й день; и ночь на 32-й день он проводит уже на Схерии, на острове феаков, зарывшись в сухие листья (ст. 466–493). В эту же ночь Афина побуждает Навсикаю ехать на море, и 32-й день начинается в песни VI, стих 48. Здесь – встреча Одиссея и Навсикаи. К вечеру этого дня Одиссей направляется к Алкиною. Вся VII песнь посвящена первой встрече Одиссея с Алкиномом. На следующий, 33-й день, – народное собрание у феаков об оказании помощи Одиссею, пиры, игры и пение во дворце Алкиноя. К вечеру Одиссей начинает свой знаменитый рассказ о первых трех годах приключений, рассказ, занимающий песни IX–XIII.2. На 34-й день феаки собирают Одиссея в путь (XIII.18–74), и в ночь на 35-й день везут его на Итаку, куда они прибывают утром 35-го дня (стих 94 сл.).

Происходит встреча Одиссея с Афиной, от которой он получает наставление, превращение его в нищего, прибытие к Евмею. Описание этого дня кончается в песни XIV, стих 533. К вечеру на 36-й день на Итаку прибывает Телемах. После описания вечера 36-го дня в хижине Евмея 37-й день начинается в стихе 495 (когда Телемах прибывает тоже к Евмею и встречается со своим отцом) и описание его длится до конца XVI песни. На 38-й день Одиссей и Телемах направляются в дом Одиссея. Здесь происходит длинный ряд событий, связанных с пребыванием Одиссея-нищего и Телемаха во дворце, включая встречи с Пенелопой, Евриклеей и женихами, буйствующими во дворце весь этот день, вечер и ночь. 39-й день начинается только с XX песни, стих 91 и кончается в XXIII песни, 371. Здесь – приготовления к расправе с женихами, убийство женихов и встреча Одиссея с Пенелопой. В 40-й день, занимающий всю XXIV песнь, – посещение Одиссеем своего отца Лаërта, мятеж итакийцев, их усмирение и водворение мира.

Если подвести итог распределению действия в «Одиссее» по дням, то необходимо отметить, что из 40 дней, по крайней мере, 25 дней не находят для себя подробного изображения: 4 дня Одиссей сооружает свой плот и затем 21 сутки плавает (включая бурю). Кроме того, события первых четырех песен (народное собрание на Итаке и поиски Телемахом своего отца), т. е. еще 6 дней, тоже несколько не подвигают действие вперед. Другими словами, только 9 дней наполнены более или менее важными событиями: 3 дня у Алкиноя, 3 дня в хижине Евмея, 2 дня во дворце Одиссея и 1 день – подавление мятежа. Из 10 лет странствования Одиссея наша поэма изображает только последние дни перед Итакой и несколько дней на Итаке. Обо всем остальном времени, т. е. в сущности о 10 годах, либо рассказывается самим Одиссеем на пиру у Алкиноя, либо о них только кратко упоминается.

4. Переводы Гомера. Желающие изучать Гомера должны начать, конечно, с изучения самого текста. Не владеющие греческим языком должны начать изучение русских переводов, которые, между прочим, обладают высокими качествами, так что ими по праву может гордиться русская литература.

«Илиаду» полностью впервые перевел известный русский писатель и представитель пушкинской школы Н.И. Гнедич в 1829 г. Последние издания этого перевода появились уже в советское время. Это: Гомер, Илиада, перев. Н.И. Гнедича. Редакция и комментарий И.М. Троцкого при участии И.И. Толстого. Статьи П.Ф. Преображенского, И.М. Троцкого и И.И. Толстого, Academia. М.-Л., 1935. В том же 1935 г. это издание появилось в этом же издательстве в большом формате и улучшенном виде. Недавно перевод Гнедича появился целиком в собрании собственных стихотворений этого переводчика в большой серии «библиотека поэта»: Н.И. Гнедич, Стихотворения. Вступ. статья, подготовка текста и примечания И.Н. Медведевой, Л., 1956. Перевод Гнедича вызвал большую литературу, так как в свое время он явился замечательным образцом переводческого искусства и не утерял своего значения до настоящего времени. Гнедичу удалось при достаточной близости к подлиннику воспроизвести бодрую гомеровскую жизнерадостность и героизм, которые совместились здесь с высо-

кой и пышной, хотя в то же самое время и легкой торжественностью. Современного читателя Гнедича оттолкнет, может быть, только обилие славянизмов, которые, однако, при более глубоком историческом подходе обнаруживают высокий художественный стиль, несколько не мешающий легкости и подвижности речевой техники перевода. О том, что перевод Гнедича основан на винкельмановской оценке античности и на поэтике пушкинской школы, читатель может убедиться, ознакомившись со специальной работой А. Кукулевича «Илиада» в переводе Н.И. Гнедича в «Ученых записках Ленингр. гос. университета», № 33, серия филол. н., вып. 2, Л., 1939. Филологическую и стилистическую характеристику перевода Гнедича в сравнении с греческим подлинником дает И.И. Толстой в статье «Гнедич как переводчик «Илиады», напечатанной в указанном выше издании перевода Гнедича в 1935 г., стр. 101–106 (в примечаниях к переводу Гнедича в этом издании указываются расхождения Гнедича с подлинником).

К сожалению, новейшее переиздание Гнедича не содержит тех аннотаций Гнедича к каждой песни «Илиады», без которых изучение поэмы весьма затрудняется. Аннотации эти составлены Гнедичем весьма внимательно, даже с пометкой номеров стихов для каждой отдельной темы. Поэтому приходится рекомендовать и иметь в виду также и старое издание Гнедича. Таково – «Илиада» Гомера, перев. Н.И. Гнедича, отредактированный С.И. Пономаревым, изд. 2, Спб., 1892. В этом издании содержатся также полезные статейки Пономарева и самого Гнедича. Тот же перевод – М., Спб., 1904, Спб., 1912.

Одиссей и Цирцея

Поскольку перевод Гнедича к концу XIX в. уже оказался устаревшим, то появилась потребность дать перевод «Илиады» в упрощенном виде, без всяких славянизмов и на основе только современного русского литературного языка. Такой перевод и предпринял Н.И. Минский в 1896 г. Последнее переиздание этого перевода: Гомер, Илиада, перев. Н.И. Минского. Редакция и вступ. статья П.Ф. Преображенского, М., 1935. Перевод Минского отличается прозаическим характером и часто производит впечатление подстрочника. Тем не менее для тех, кто не понимает или не любит славянизмов Гнедича, перевод этот имеет большое значение и

сыграл в свое время немалую роль. Научный анализ этого перевода можно найти в рецензии С.И. Соболевского в «Журнале Мин. Нар. Просв.», 1911, № 4 (отд. 2), стр. 346–360.

Наконец, в последнее время появился еще третий полный русский перевод «Илиады»: Гомер, Илиада, перев. В. Вересаева, М.-Л., 1949. Перевод Вересаева пошел еще дальше Минского. Воспользовавшись многими удачными выражениями Гнедича и Минского, Вересаев тем не менее понимает Гомера чересчур фольклорно и старается пользоваться разного рода народными и псевдонародными выражениями, отчасти даже не совсем пристойного характера. Правда, слишком возвышенный и слишком торжественный стиль «Илиады» является в настоящее время большим преувеличением. Но многочисленные натуралистические и даже бранные выражения, которыми изобилует перевод Вересаева, встретили критику со стороны С.И. Радцига в его рецензии в «Советской книге», 1950, № 7. Ср. также рецензию М.Е. Грабарь-Пассек и Ф.А. Петровского в «Вестнике древней истории», 1950, № 2, стр. 151–158.

Что касается «Одиссеи», то ее классический перевод принадлежит В.А. Жуковскому и сделан в 1849 г. Последние его переиздания относятся уже к советскому времени: Гомер, Одиссея, перев. В.А. Жуковского. Статья, редакция и комментарий И.М. Троицкого при участии И.И. Толстого. Academia, М.-Л., 1935. То же самое издание было повторено в большом формате. Имеется также другое издание: Гомер, Одиссея. Перев. В.А. Жуковского, ред. и вступ. ст. П.Ф. Преображенского, ГИХЛ, М., 1935. В самое последнее время появилось в роскошном виде издание – Гомер, Одиссея, перев. В.А. Жуковского, М., 1958 (подготовка текста В.П. Петушкова, послесловие и примечания С.В. Поляковой). Издание это сделано по последнему прижизненному изданию В.А. Жуковского и сверено с рукописью и корректурой переводчика. Кроме того, в тексте В.А. Жуковского произведена транслитерация согласно современному произношению греческих имен, поскольку в переводе самого Жуковского многие имена писались еще архаическим способом. Это издание необходимо считать лучшим из всех изданий «Одиссеи» после смерти В.А. Жуковского. Весьма важно также и то, что в этом издании печатаются перед каждой песней поэмы составленные В.А. Жуковским подробные аннотации, весьма облегчающие изучение поэмы. Из новых изданий этого перевода аннотации сохранены только в издании – «Одиссея» Гомера в перев. В.А. Жуковского, изд. «Просвещение», СПб. (год не указан).

Перевод этот до самого последнего времени был единственным, так как его высокое художественное достоинство никогда не подвергалось сомнению. Все знали, что перевод этот отражает на себе стиль сентиментального романтизма. Но все прощали Жуковскому эту особенность его перевода, поскольку всех пленила его яркая красочность и выразительность, его легкий и понятный русский язык, его постоянная поэтичность и доступность. Тем не менее Жуковский допускал слишком большую неточность в своем переводе, внося не принадлежащие Гомеру эпитеты, разные выражения и даже целые строки и сокращая другие. Научное представление об особенностях перевода Жуковского можно получить по статье С. Шестакова «В.А. Жуковский как переводчик Гомера», напечатанной в «Чтениях в обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина», XXII. Казань, 1902. Ср. также статью И.И. Толстого «Одиссея» в переводе Жуковского», напечатанную в указанном выше издании, 1935.

Но в переводе Жуковского было еще и то, что стали понимать отчетливо только в советское время, а именно идеология и картины старого московского боярства и слабое понимание подлинного гомеровского и чисто языческого героизма. Учитывая все эти особенности перевода Жуковского, П.А. Шуйский впервые почти через 100 лет решился состязаться с Жуковским, после которого никто не решался перевести «Одиссею» заново: Гомер, Одиссея, перев. (размером подлинника) П.А. Шуйского под редакцией А.И. Виноградова. Свердловск. 1948. Действительно, Шуйский избежал упомянутых особенностей перевода Жуковского; однако, стремясь к буквальной передаче подлинника, Шуйский постоянно впадает в излишний прозаизм, причем с поэтической точки зрения сильно страдает также и техника его стиха. Перевод

Шуйского нашел для себя отрицательную оценку в рецензии Ф.А. Петровского и М.Е. Грабарь-Пассек в «Вестнике древней истории», 1950, № 3, стр. 151–158. Несколько менее сурово судит о переводе Шуйского А.А. Тахо-Годи в статье «О новом переводе «Одиссеи» в «Учен. записках Моск. областного педагог. института», т. XXVI, стр. 211–225. М., 1953. Этот автор указывает на заслуги Шуйского по сравнению с Жуковским. Однако он отмечает также прозаизм, неудачное стихосложение, а главное, ориентировку переводчика на устаревший текст, который теперь до неузнаваемости исправляется новейшими редакторами в связи с прогрессом филологической науки.

Наконец, имеется и еще один перевод «Одиссеи», принадлежащий упомянутому выше В. Вересаеву и обладающий теми же особенностями, что и его перевод «Илиады»: Гомер, Одиссея, перев. В. Вересаева. Редакция И.И. Толстого, М., 1953.

Имеет значение также издание: Гомер. Поэмы, сокращенное издание. Подготовка текста поэм, пересказ мифов троянского цикла, примечания и словарь А.А. Тахо-Годи, Вступ. статья и научная редакция А.И. Белецкого, Детгиз, М.-Л., 1953. Издание это, созданное для юношества, имеет преимущество, которое как раз важно для начинающих. Кроме прекрасной статьи А.И. Белецкого, здесь дается пересказ всех главнейших мифов о Троянской войне, без которого невозможно разобраться в сюжете поэм. И, кроме того, текст «Илиады» и «Одиссеи» расположен здесь не в порядке самих поэм (порядок этот, как сказано выше, довольно запутанный), но в порядке протекания самих событий, нашедших для себя изображение в этих поэмах. Поэтому начинающие изучать Гомера получают здесь как бы единое и цельное, вполне последовательное развертывание сюжета.

Таким образом, русские переводы Гомера имеются в достаточном количестве, и каждый из этих переводов по-своему обладает всеми чертами большой переводческой культуры. Тот, кто не владеет греческим языком, должен воспользоваться указанными выше рецензиями на эти переводы. Эти рецензии, несомненно, помогут ему как ориентироваться в стиле этих переводов, так и в степени близости их к греческому подлиннику.

5. Необходимая литература для ознакомления с Гомером. Ознакомление с Гомером, разумеется, надо начинать с общих учебников по античной литературе и уже потом переходить к специальным исследованиям.

Не упоминая старые учебники, из учебной литературы, вышедшей в советскую эпоху, назовем – С.И. Радциг, История древнегреческой литературы, М.-Л., 1940, где Гомеру отведены стр. 32–72. Другой учебник – И.М. Тронский, История античной литературы, изд. 3, испр., Л., 1957, стр. 34–61. Более обширное изложение содержится в «Истории греческой литературы», под ред. С.И. Соболевского, Б.В. Горнунга, З.Г. Гринберга, Ф.А. Петровского, С.И. Радцига, т. I, изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1946, стр. 73–152.

Хорошо ориентирует в проблемах гомероведения старая книга – Р. Джебб, Гомер. Введение к «Илиаде» и «Одиссее», перев. А.Ф. Семенова, СПб., 1892. Можно рекомендовать также старую, но очень хорошую работу Ф.Ф. Соколова «Гомеровский вопрос», перепечатанную в трудах Ф.Ф. Соколова, СПб., 1910, стр. 1–148, где читатель найдет подробную характеристику положения Гомера в античной культуре, характеристику дошедших сведений о нем и очень ясную и простую критику теорий, отвергавших единоличное авторство Гомера и расчленявших его поэмы на отдельные, не согласованные между собою части. Имеет некоторое значение и работа Вяч. Иванова «Эпос Гомера», напечатанная в качестве вступительного очерка в изд. «Поэмы Гомера» в перев. Гнедича и Жуковского, ред. А.Е. Грузинский, изд. «Окто» (1912) (место изд. не указ.). Работа эта, однако, написана не с марксистских позиций, равно как и работа Н. Минского «Идея «Илиады» в журн. «Северный вестник», 1896, № 5, стр. 1–24. Ср. также общую работу А.А. Захарова «Гомер», М., 1918. Здесь читатель в краткой и систематической форме найдет общий обзор гомеровского вопроса и троянской мифологии, описание быта и нравов по Гомеру и небольшую библиографию.

Известный советский писатель В.В. Вересаев, много переводивший с греческого, написал в свое время интересную книгу «Живая жизнь», вторая часть которой называется «Аполлон и Дионис». Здесь, в противовес эстетству Ницше, Вересаев рисует Гомера в тонах именно «живой жизни», что дает неплохой материал для общего представления о Гомере (В.В. Вересаев, Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 11–28, 1930). Из этих материалов Вересаев поместил статью под именем «О Гомере» в журнале «Литературная учеба», 1940, № 2, стр. 70–79.

Большую книгу (378 стр.) посвятил Гомеру Н.Л. Сахарный под названием «Илиада». Разыскания в области смысла и стиля гомеровской поэмы», Архангельск, 1957. Книга эта излагает Гомера с новейших точек зрения, выдвигает у него на первый план народность и антимилитаризм, порывает со старым и мертвенным пониманием эпоса, подчеркивая в нем рационализм, трагедию, лирику, иронию. Несмотря на известную модернизацию Гомера и односторонность многих эстетических характеристик, книга эта с большой пользой будет прочитана широким читателем, развивая у него современный и передовой подход к Гомеру.

Будет целесообразно указать также и более трудную литературу, к которой читатель сможет приступить уже после ознакомления с указанной более популярной литературой. Советский читатель, поставивший себе целью более обстоятельное изучение Гомера, несомненно, быстро перейдет к этой более трудной литературе. Здесь мы имеем дело уже с самостоятельными исследованиями и по преимуществу филологического типа; отношение к ним должно быть сознательным и критическим. Во всяком новом исследовании имеются те или иные спорные вопросы, в которых надо уметь ориентироваться. Укажем прежде всего перевод устаревшей ныне, но для своего времени достаточно интересной работы О. Бонитца, О происхождении гомеровских поэм, пер. А. Мейер, Одесса, 1878.

К.Ф. Негельсбах, Вероучение Гомера, пер. под ред. Г. Янчевского (журн. «Гимназия», 1891, № 4, 10; 1892, № 1–3, 6, 1898, № 3, 4), Э. Каммер, Эстетические толкования на «Илиаду» Гомера, перев. С. Николаева (Там же, 1892, № 2, 3, 6; и отдельно – Ревель, 1892). Любители старинных теорий могут ознакомиться с применением солярно-метеорологической теории мифа к поэмам Гомера по книге Л.Ф. Воеводского «Введение в мифологию Одиссеи», Одесса, 1881. Теория эта в настоящее время потеряла всякий кредит, но историческое значение ее огромно ввиду того, что она имела распространение в науке в течение почти целого столетия.

С.П. Шестаков создал для своего времени одно из самых солидных исследований на русском языке по гомеровскому вопросу под названием «О происхождении поэм Гомера», вып. I, О происхождении «Одиссеи», Казань, 1892; вып. II, О происхождении «Илиады», Казань, 1899. Исследование это основано на т. н. теории зерна, обставлено большим филологическим аппаратом и отличается сухим формализмом, хотя многие анализы тех или иных частей гомеровского текста еще и теперь представляют большой интерес, несмотря на свою полувековую давность. Укажем еще работу Д.М. Петрушевского, Общество и государство у Гомера, М., 1913. Ф.Ф. Зелинский в своей работе «Гомеровская психология» (Труды разряда изящной словесности Российской академии наук, СПб., 1922) подверг статистическому исследованию психо-физиологическую и психо-анатомическую терминологию Гомера, отчасти опираясь на предыдущие исследования. Выводы его яркие и дают достаточное представление об эволюции у Гомера, от фетишизма до периода развитой психологии. Очень интересные статьи по Гомеру помещены в IV т. «Язык и литература», Л., 1929. Статьи эти используют устаревшую и ныне раскритикованную терминологию, но их материалы, несомненно, могут быть использованы еще и в настоящее время. М.М. Покровский в статье Гомеріса (Известия Академии наук СССР, 1929, отд. гуманитарных наук, стр. 343–456) касается важных вопросов об отношении Гомера к русской народной сказке, к трагедии и к ораторскому искусству, но, к сожалению, здесь нет подробного и обстоятельного исследования, а намечены только основные и ведущие линии. М.С. Альтману принадлежит талантливое исследование «Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера», Л. 1936, в котором впервые дается марксистский ана-

лиз семантики собственных имен у Гомера с приведением богатого материала в подлинниках. Пролагая новые пути исследования, этот автор выставляет также и ряд спорных тезисов, которые подлежат дальнейшему исследованию, но которые все же ценны своим живым исследовательским подходом к предмету.

Из советских и переводных трудов последних двух десятилетий необходимо упомянуть: О.М. Фрейденберг, Происхождение эпического сравнения (на материале «Илиады»), ЛГУ, Труды юбилейной научной сессии, Л., 1946, стр. 101–113; Я.А. Ленцман, Об историческом месте гомеровского рабства («Вестник древней истории», 1952, № 2); А.Ф. Лосев, Эстетическая терминология ранней греческой литературы (Ученые записки Моск. госуд. педагог. ин-та имени Ленина), т. 83; к Гомеру, стр. 47—183, М., 1964; С.Я. Лурье, Крито-микенские надписи и Гомер («Вестник древней истории», 1956, № 4); И. Тренчени-Вальдапфель, Гомер и Гесиод, перев. под ред. В. Авдиева, М., 1956; И.И. Толстой, Аэды. Античные творцы и носители древнего эпоса, М., 1958 (правильно о наличии в языке Гомера самых разнообразных ступеней культурного развития); Дж. Томсон, Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир, перев. под ред. М.О. Косвена, М., 1958, стр. 369–587 (обстоятельный анализ поэм Гомера с точки зрения видного английского марксиста и общественного деятеля); А. Боннар, Греческая цивилизация, т. I, от Илиады до Парфенона, перев. под ред. В. Авдиева и Ф. Петровского, М., 1958 (на стр. 43–94 – ценные рассуждения о гуманизме Гомера и о связи его с завоеванием морских путей).

В заключение укажем очень ценную работу В.М. Дьяконова «К вопросу о народности Илиады» (Ученые записки Кировского педагог. ин-та имени В.И. Ленина, вып. II, 1941, стр. 1—28). В этой работе хорошо критикуются имевшие у нас место узкоклассовые подходы к Гомеру и антинародное понимание его творчества, причем автор приводит весьма убедительные аргументы относительно народности «Илиады», которые, впрочем, легко могли бы быть умножены.

6. Мифологические руководства. Для изучения Гомера, особенно для начального его изучения, имеет смысл ознакомиться с троянской мифологией по общим изложениям античной мифологии, поскольку, повторяем, овладение содержанием гомеровских поэм требует знания и всего троянского мифологического цикла. Первоначальное изучение гомеровских поэм, чрезвычайно сложных и нагроможденных, весьма облегчается предварительным ознакомлением с общей троянской мифологией.

Наиболее распространенное изложение троянской мифологии: Н.А. Кун, Легенды и мифы древней Греции, изд. 4, под ред. А.Г. Бокщанина, М., 1957, стр. 245–341. Укажем полезную книгу М.С. Альтмана, Греческая мифология, Л., 1937, стр. 166–245. Самое подробное изложение троянских мифов – Г.В. Штоль, Мифы классической древности, изд. 3, т. II, в перев. В.И. Покровского и П.А. Медведева, М., 1899, стр. 1–490. Многие знакомятся с троянской мифологией также и по книге Г. Шваба, Мифы классической древности, изд. 2, в перев. Н. Свентицкой, М., 1912, стр. 166–266. Подробное изложение содержания «Илиады» – Илиада Гомера в изложении Л. Коллинза, перев. З. Федоровой, Спб., 1904.

7. Исторические руководства. Для начинающих изучать Гомера необходимо также ознакомление с эпохой Гомера. У нас имеется достаточное количество хороших изложений истории Греции с главами, посвященными эпохе Гомера.

Приведем следующие издания: «История древнего мира» под ред. С.И. Ковалева, т. II. «История древней Греции», ч. I, М., 1937, стр. 111–145; В.С. Сергеев, История древней Греции под ред. Н.А. Машкина и А.В. Мишулина, изд. 2, М., 1948, стр. 104–125; «Всемирная история», т. I, изд. АН СССР, М., 1965, стр. 637–651. «История древнего мира» под ред. В. Н. Дьякова и С.И. Ковалева, М., 1956, стр. 271–278. «Древняя Греция», изд. АН СССР, М., 1956, стр. 71–87.

8. Школьные греческие тексты Гомера. Для тех, кто хотел бы изучать Гомера по-гречески, у нас имеются неплохие издания греческого текста Гомера с необходимыми предисловиями и объяснениями. В свое время была издана целая библиотека греческих и римских писателей под общей редакцией Л. Георгиевского и С. Манштейна.

Укажем то, что относится к Гомеру:

«Илиада». Песнь I, объясн. С.А. Манштейн, Спб., 1914. «Илиада». Песнь III, объясн. С.О. Цыбульский. «Илиада». Песнь XXIV, объясн. А.Я. Тихов, Спб., 1899. «Илиада» в сокращении, вып. I. Песни I–XII. Обработка Г.О. фон Гаазе, Спб., 1897. «Одиссея». Песнь I, объясн. С.А. Радецкий, Спб., 1913. «Одиссея». Песнь II, объясн. С.А. Радецкий, Спб., 1897. «Одиссея». Песнь VI объясн. Н.А. Счастливцев, Спб., 1898. «Одиссея». Песнь IX, объясн. Н.А. Счастливцев, Спб., 1896. «Одиссея» в сокращении, вып. I, обработал Н.А. Счастливцев, Спб., 1895.

Имеются еще также и следующие комментированные издания:

«Илиада». Песни VI и VII, объясн. С. Радецкий, М., 1893. «Илиада». Песни IX и X, объясн. С. Радецкий, М., 1895. «Илиада». Песнь XII, объясн. С. Радецкий, М., 1897. «Илиада». Песнь XVIII, составили П. А.С. и А.П. Стефанов, Житомир, 1896. «Одиссея». Песнь V, объясн. С. Радецкий, М., 1894. «Одиссея» в сокращении. Песни I.1–87 и V–XIII.125 с объясн. Н.А. Счастливцева. «Одиссея» в сокращении, вып. II. Песни XIII.187–XXIII.309 в обработке Н.А. Счастливцева.

Наконец, имеются некомментированные издания:

Homeri Ilias. Pars I. Petropoli apud A. Suvorinum. 1880. Pars II. 1886. Homerī Ilias, текст с словарем, составленный для гимназий Я. Кремером, ч. I, М., 1879; ч. II, М., 1878. Homerī Odyssea, текст с словарем и приложением о гомеровском диалекте, составл. для гимназий Я. Кремером, ч. I, М., 1889, ч. II, 1878.

9. Пособия для изучения греческого текста Гомера. В качестве пособий, необходимых для первоначального изучения греческого текста Гомера, можно рекомендовать:

С. Радецкий, Введение к чтению Гомера, М., 1892; Н.А. Счастливцев, Введение к чтению Илиады и Одиссеи, СПб., 1894. Обе эти небольшие книги содержат необходимые сведения о Гомере, о происхождении содержания его поэм, фонетику и морфологию языка Гомера, а также и элементы гомеровского стихосложения. Описательный очерк особенностей языка Гомера содержится почти в каждой более или менее подробной грамматике греческого языка. Таково руководство С.И. Соболевского, Древнегреческий язык, М., 1948, стр. 355–382. Имеется и специальный школьный словарь по Гомеру – Вл. Краузе, Гомеровский словарь, СПб., 1880.

10. Марксистско-ленинское изучение Гомера. После ознакомления с текстом Гомера и необходимыми для этого историко-литературными данными должно стоять на очереди углубленно-историческое изучение Гомера, т. е. изучение марксистско-ленинское. К сожалению, у нас еще не имеется такой работы по Гомеру, которую можно было бы рекомендовать как образец марксистско-ленинского изучения Гомера в целом. Однако для этого изучения уже заложен достаточный фундамент, с которым можно познакомиться по указанным выше руководствам и учебникам.

У самих классиков марксизма-ленинизма имеется огромное количество высказываний по ранней истории античного общества, без изучения которых невозможно и приступить к марксистско-ленинской разработке Гомера.

В первую очередь необходимо указать основополагающую в этом отношении работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Госполитиздат, М., 1953. Здесь Гомер локализуется на границе общинно-родовой и рабовладельческой формации, – положение, которое в настоящее время для всякого марксиста является основным и непререкаемым. Употребляя устаревший в настоящее время термин «варварство», указывающий на последний этап общинно-родовой формации, Энгельс пишет (на стр. 25 сл.): «Полный расцвет высшей ступени варварства выступает перед нами в поэмах Гомера, особенно в «Илиаде». Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, приготовление растительного масла и вина, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства, города с зубчатыми стенами и башнями, гомеровский эпос и вся мифология – вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию». Такова основная социально-экономическая характеристика Гомера.

Но за этим следует и социально-политическая характеристика Гомера, которую Энгельс дает в очень выпуклой форме, используя данные Л.Г. Моргана и К. Маркса. Здесь критикуются традиционные и бытовые представления о гомеровских царях как о представителях абсолютной власти и о народном собрании как о бессильном и бесправном учреждении. В качестве итога этой характеристики можно было бы привести такие слова Энгельса (стр. 110–111): «Мы видим, таким образом, в греческом строе героической эпохи еще в полной силе древнюю родовую организацию, но вместе с тем уже и начало подрыва ее; мы видим здесь отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и усиливало семью в противовес роду; обратное влияние имущественных различий на общественный строй посредством образования первых зародышей наследственной знати и царской власти; рабство, сперва одних только военнопленных, но уже открывающее возможность порабощения собственных соплеменников и даже сородичей; начавшееся уже вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств. Недоставало еще только одного: учреждения, которое не только обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало

бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит, и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств; не хватало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последним.

И такое учреждение появилось. Было изобретено государство».

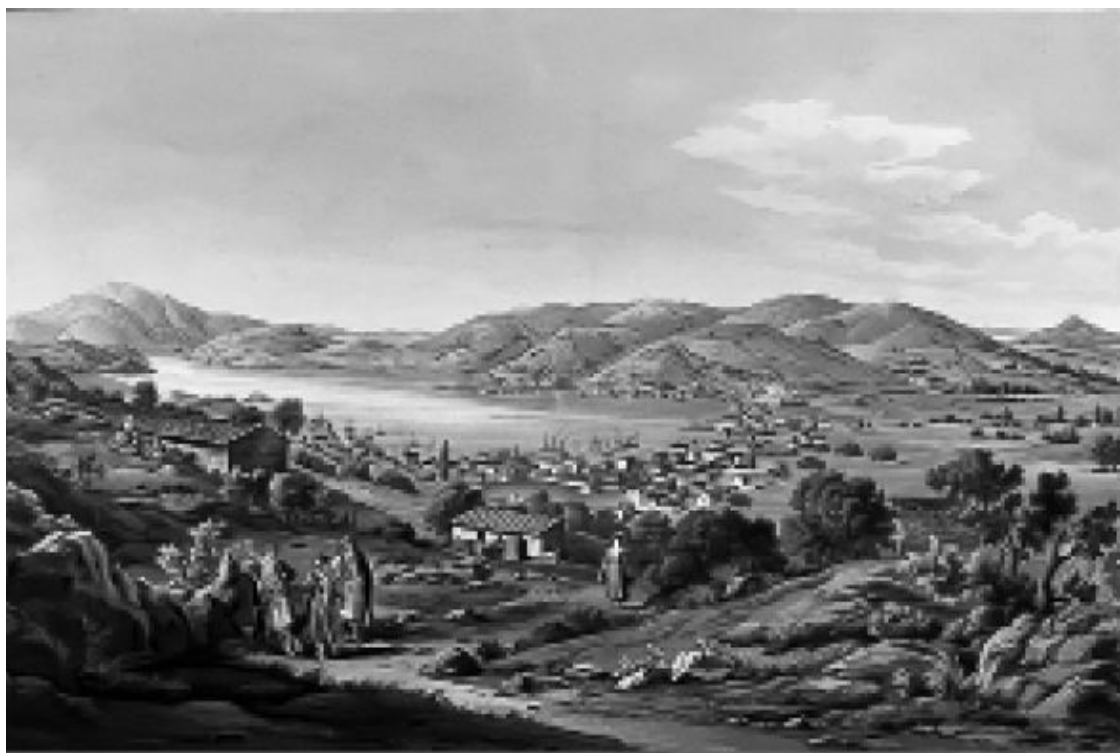
Промежуточный характер гомеровского общества охарактеризован здесь очень ярко, и такая характеристика должна лечь в основу всякого марксистско-ленинского изучения Гомера.

Из многочисленных произведений классиков марксизма-ленинизма мы бы указали еще на подготовительные материалы к «Капиталу» Маркса, которые изданы у нас под названием «Формы, предшествующие капиталистическому производству», Госполитиздат, М., 1940. Здесь читатель найдет вызывавшее перед тем большие споры разграничение восточного и античного способов производства и в связи с этим учение о специфике античного общества. Глубокие мысли в этих записях Маркса еще не вполне использованы в советской науке и могут много дать для характеристики гомеровского общества.

В настоящее время необходимо также отдавать себе полный отчет и в разного рода увлечениях, имевших место у прежних излагателей Гомера. Так, классовая точка зрения на Гомера, очевидно, не может проводиться безоговорочно, поскольку общинно-родовая формация, на которой вырастает гомеровское творчество, является формацией доклассовой, и здесь можно говорить только о кануне классовой, а именно рабовладельческой, цивилизации. В частности, в настоящее время отпадает понимание гомеровского общества как феодализма, а гомеровского творчества как специально придворного, рыцарского и исключительно аристократического. Были уклонения и в обратную сторону, когда в творчестве Гомера начинали видеть только один демократизм, только одну оппозицию к аристократии, только один антимилитаризм или только одну наивную и нецивилизованную народность. На самом деле, ввиду отмеченного выше промежуточного положения Гомера, мы находим у него, несомненно, аристократическую идеологию и идеологию родовой знати, однако с такими интенсивными демократическими, антимилитаристскими и даже антимифологическими тенденциями, что может возникнуть даже вопрос, чего больше у Гомера, старого или нового. Точно так же, уходя в народные глубины и являясь подлинно народным творчеством, поэмы Гомера свидетельствуют о наличии многовековой поэтической техники, давно превратившейся в традицию и уже близкую к поэтическому формализму. Некоторые так и думали, что, например, весь аппарат богов у Гомера является не чем иным, как данью формалистической технике эпоса. В чистом виде такое воззрение в корне неправильно. Однако черты поэтического формализма, отстоявшиеся на почве вековых народных традиций, должны быть учтены в полной мере. Но выдвигать ли на первый план у Гомера аристократические или демократические тенденции и выдвигать ли на первый план поэтический формализм или непосредственное вдохновение, все это в настоящее время может толковаться только как продукт народного творчества, и без проблемы народности изучение Гомера в настоящее время должно считаться бессмысленным. Неплохую критику разных односторонностей, имевших место в советской литературе о Гомере, можно найти в работе В.М. Дьяконова «К вопросу о народности «Илиады», напечатанную в «Ученых записках Кировского педагогического института имени В.И. Ленина», вып. II, Киров, 1941, стр. 8—11.

В самой общей форме марксистско-ленинское понимание Гомера, а именно его мифология, блестяще сформулировано М. Горьким в его докладе на I съезде советских писателей. Горький говорил о мифологии, «которая в общем является отражением явлений природы, борьбы с природой и отражением социальной жизни в широких художественных обобщениях» (М. Горький, О литературе, М., 1955, стр. 727). «Факт человекоподобия богов – одно из доказательств в пользу того мнения, что религиозное мышление возникло не из созерцания

явлений природы, а на почве социальной борьбы... Бог в представлении первобытных людей не был отвлеченным понятием, фантастическим существом, но вполне реальной фигурой, вооруженной тем или иным орудием труда. Бог был мастер того или иного ремесла, учитель и сотрудник людей. Бог является художественным обобщением успехов труда, и «религиозное» мышление трудовой массы нужно взять в кавычки, ибо это было чисто художественное творчество. Идеализируя способности людей и как бы предчувствуя их мощное развитие, мифотворчество, в основах своих, было реалистично» (стр. 729).

Остров Итака

Таким образом, в настоящее время необходимо сказать, что, хотя уже и много сделано в советской науке по вопросу о марксистско-ленинском освещении Гомера, этот вопрос еще далек от своего окончательного разрешения и требует для себя коллективных усилий многочисленных работников, готовых отдать на изучение Гомера еще многие годы.

Гомер Одиссея

Перевод Василия Жуковского

Песнь первая

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
[5] Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, —
День возврата у них он похитил. Скажи же об этом
[10] Что-нибудь нам, о Зевесова дочь, благосклонная Муза.
Все уж другие, погибели верной избегшие, были
Дома, избегнув и брани и моря; его лишь, разлукой
С милой женой и отчизной крушимого, в гроте глубоком
Светлая нимфа Калипсо, богиня богинь, произвольной
[15] Силой держала, напрасно желая, чтоб был ей супругом.
Но когда, наконец, обращеньем времен приведен был
Год, в который ему возвратиться назначили боги
В дом свой, в Итаку (но где и в объятиях верных друзей он
Всё не избег от тревог), преисполнились жалостью боги
[20] Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны.
Но в то время он был в отдаленной стране эфиопов
(Крайних людей, поселенных двояко: одни, где нисходит
Бог светоносный, другие, где всходит), чтоб там от народа
[25] Пышную тучных быков и баранов принять гекатомбу.

Одиссей

Там он, сидя на пиру, веселился; другие же боги
Тою порою в чертогах Зевесовых собраны были.
С ними людей и бессмертных отец начинает беседу;
В мыслях его был Эгист беспорочный (его же Атридов

[30] Сын, знаменитый Орест, умертвил); и о нем помышляя,
Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:

«Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют!

Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто

Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?

[35] Так и Эгист: не судьбе ль вопреки он супругу Атрида

Взял, умертвивши его самого при возврате в отчизну?

Гибель он верную ведал; от нас был к нему остроокий

Эрмий, губитель Аргуса, ниспослан, чтоб он на убийство

Мужа не смел посягнуть и от брака с женой воздержался.

[40] «Месть за Атрида свершится рукою Ореста, когда он

В дом свой вступить, возмужав, как наследник, захочет»,

так было

Сказано Эрмием – тщетно! не тронул Эгистова сердца

Бог благосклонный советом, и разом за все заплатил он».

Тут светлоокая Зевсова дочь Афинея Паллада

[45] Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка,

Правда твоя, заслужил он погибель, и так да погибнет

Каждый подобный злодей! Но теперь сокрушает мне сердце

Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он

Страждет, в разлуке с своими, на острове, волнообъятом

[50] Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,

Дочь кознодея Атланта, которому ведомы моря

Все глубины и который один подпирает громаду

Длинноогромных столбов, раздвигающих небо и землю.

Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющего слезы,

[55] Держит, волшебством коварно-ласкательных слов

об Итаке

Память надеясь в нем истребить. Но, напрасно желая

Видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий,

Смерти единой он молит. Ужель не войдет состраданье

В сердце твое, Олимпиец? Тебя ль не довольно дарами

[60] Чтил он в троянской земле, посреди кораблей там

ахейских

Жертвы тебе совершая? За что ж ты разгневан, Кронион?

«Ей возражая, отвечивал туч собиратель Кронион:

«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.

Я позабыл Одиссея, бессмертным подобного мужа,

[65] Столь отличенного в сонме людей и умом и усердным

Жертв приношеньем богам, беспредельного неба владыкам?

Нет! Посейдон, обволнитель земли, с ним упорно враждует,

Все негодуя за то, что циклоп Полифем богоравный

Им ослеплен: из циклопов сильнейший, Фоосою нимфой,

[70] Дочерью Форка, владыки пустынно-соленого моря,

Был он рожден от ее с Посейдоном союза в глубоком

Гроте. Хотя колебатель земли Посейдон Одиссея

Смерти предать и не властен, но, по морю всюду гоняя,

Все от Итаки его он отводит. Размыслим же вместе,

[75] Как бы отчизну ему возвратить. Посейдон отказать

Должен от гнева: один со всеми бессмертными в споре,
Вечным богам вопреки, без успеха он злобствовать будет».
Тут светлоокая Зевсова дочь Афинейя Паллада
Зевсу сказала: «Отец наш, Кронион, верховный владыка!
[80] Если угодно блаженным богам, чтоб увидеть отчизну
Мог Одиссей хитроумный, то Эрмий аргусоубийца,
Воли богов совершитель, пусть будет на остров Огигский
К нимфе прекраснокудрявой ниспослан от нас возвестить ей
Наш приговор неизменный, что срок наступил возвратиться
[85] В землю свою Одиссею, в бедах постоянному. Я же
Прямо в Итаку пойду возбудить в Одиссеевом сыне
Гнев и отважностью сердце его преисполнить, чтоб созвал
Он на совет густовласых ахейн и в дом Одиссеев
Вход запретил женихам, у него беспощадно губящим
[90] Мелкий скот и быков криворогих и медленноходных.
Спарту и Пилос песчаный потом посетит он, чтоб сведать,
Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье,
Также, чтоб в людях о нем утвердилась добрая слава».
Кончив, она привязала к ногам золотые подошвы,

[95] Амброзиальные, всюду ее над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром;
После взяла боевое копье, заощренное медью,
Твердое тяжкоогромное, им же во гневе сражает
Силы героев она, громоносного бога рожденье.
[100] Бурно с вершины Олимпа в Итаку шагнула богиня.
Там на дворе, у порога дверей Одиссеева дома,

Стала она с медноострым копьем, облеченная в образ
Гостя, тафийцев властителя, Ментеса; собранных вместе
Всех женихов, многобуйных мужей, там богиня узрела;
[105] В кости играя, сидели они перед входом на кожах
Ими убитых быков; а глашатаи, стол учреждая,
Вместе с рабами проворными бегали: те наливали
Воду с вином в пировые кратеры; а те, ноздреватой
Губкой оmyвши столы, их сдвигали и, разного мяса
[110] Много нарезав, его разносили. Богиню Афины
Прежде других Телемах богоравный увидел. Прискорбен
Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя:
Где благородный отец и как, возвратясь в отчизну,
Хищников он по всему своему разгоняет жилищу,
[115] Власть восприимет и будет опять у себя господином.
В мыслях таких с женихами сидя, он увидел Афины;
Тотчас он встал и ко входу поспешно пошел, негодуя
В сердце, что странник был ждать принужден за порогом;
приблизась
Взял он за правую руку пришельца, копье его принял,
[120] Голос потом свой возвысил и бросил крылатое слово:
«Радуйся, странник; войди к нам; радушно тебя угостим мы;
Нужду ж свою нам объявишь, насытившись нашею пищею».
Кончив, пошел впереди он, за ним Афиней Паллада.
С нею вступя в пировую палату, к колонне высокой
[125] Прямо с копьем подошел он и спрятал его там в поставе
Гладкообтесанном, где запираемы в прежнее время
Копья царя Одиссея, в бедах постоянного, были.
К креслам богатым, искусной работы, подведши Афины,
Сесть в них ее пригласил он, покрыв наперед их узорной
[130] Тканью; для ног же была там скамейка;
потом он поставил
Стул резной для себя в отдаленье от прочих, чтоб гостю
Шум веселящейся буйно толпы не испортил обеда,
Также, чтоб втайне его расспросить об отце отдаленном.
Тут принесла на лохани серебряной руки умыть им
[135] Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня,
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
[140] Кубки златые на браном столе перед ними поставил;
Начал глашатай смотреть, чтоб вином наполнялися чаши
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и сели
Чином на креслах и стульях; глашатаи подали воду
Руки умыть им; невольницы хлеб принесли им в корзинах;
[145] Отроки светлым напитком до края им налили чаши.
Подняли руки они к приготовленной пище; когда же
Был удовлетворен голод их лакомою пищею, вошло им
В сердце иное – желание сладкого пенья и пляски:

Пиру они украшение; и звонкую цитру глашатай
[150] Фемию подал, певцу, перед ними во всякое время
Петь принужденному; в струны ударив, прекрасно запел он.
Тут осторожно сказал Телемах светлоокой Афине,
Голову к ней приклонив, чтоб его не слышали другие:
«Милый мой гость, не сердись на меня за мою откровенность;
[155] Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Мужа, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
Если б он вдруг перед ними явился в Итаке, то все бы,
[160] Вместо того чтоб копить и одежды и золото, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.
Но погиб он, постигнутый гневной судьбой, и отрады
Нет нам, хотя и приходят порой от людей земнородных
Вести, что он возвратится, – ему уж возврата не будет.
[165] Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Кто ты? Какого ты племени? Где ты живешь? Кто отец твой?
Кто твоя мать? На каком корабле и какою дорогой
Прибыл в Итаку и кто у тебя корабельщики? В край наш
(Это, конечно, я знаю и сам) не пешком же пришел ты.
[170] Также скажи откровенно, чтоб мог я всю истину ведать:
В первый ли раз посетил ты Итаку, иль здесь уж бывалый
Гость Одиссеев? В те дни иноземцев собиралось много
В нашем доме: с людьми обхождение любил мой родитель».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
[175] «Все откровенно тебе расскажу; я царя Анхиала
Мудрого сын, именуясь Ментесом, правлю народом
Веслолюбивых тафийцев; и ныне корабль мой в Итаку
Вместе с моими людьми я привел, путешествуя темным
Морем к народам иного языка; хочу я в Темесе
[180] Меди добыть, на нее обменявшись блестящим железом;
Свой же корабль я поставил под склоном Нейона лесистым
На поле, в пристани Ретре, далеко от города. Наши
Предки издавна гостями друг другу считаются; это,
Может быть, слышишь нередко и сам ты, когда посещаешь
[185] Деда героя Лаэрта... а он, говорят, уж не ходит
Более в город, но в поле далеко живет, удрученный
Горем, с старушкой служанкой, которая, старца покоя,
Пищей его подкрепляет, когда устает он, влачаясь
По полю взад и вперед посреди своего винограда.
[190] Я же у вас оттого, что сказали мне, будто отец твой
Дома... но видно, что боги его на пути задержали:
Ибо не умер еще на земле Одиссей благородный;
Где-нибудь, бездной морской окруженный, на волнообъятом
Острове заперт живой он иль, может быть, страждет в неволе
[195] Хищников диких, насильственно им овладевших.
Но слушай
То, что тебе предскажу я, что мне всемогущие боги

В сердце вложили, чему неминуемо сбыться, как сам я
Верю, хотя не пророк и по птицам гадать неискусен.
Будет недолго он с милой отчизной в разлуке, хотя бы
[200] Связан железными узами был; но домой возвратиться
Верное средство отыщет: на вымыслы он хитроумен.
Ты же теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая:
Подлинно ль вижу в тебе Одиссеева сына? Ты чудно
С ним головой и глазами прекрасными сходен; еще я
[205] Помню его; в старину мы друг с другом видалися часто;
Было то прежде отплытия в Трою, куда из ахейян
Лучшие с ним в крутобоких своих кораблях устремились.
С той же поры ни со мной он, ни я с ним нигде не встречались».
«Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын
Одиссеев, —
[210] Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину
ведать.
Мать уверяет, что сын я ему, но сам я не знаю:
Ведать о том, кто отец наш, наверное, нам невозможно.
Лучше б, однако, желал я, чтоб мне не такой злополучный
Муж был отцом; во владеньях своих он до старости б поздней
[215] Дожил. Но если уж ты вопрошаешь, то он, из живущих
Самый несчастливый ныне, отец мне, как думают люди».
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Видно, угодно бессмертным, чтоб был не без славы
в грядущем
Дом твой, когда Пенелопе такого, как ты, даровали
[220] Сына. Теперь мне скажи, ничего от меня не скрывая,
Что здесь у вас происходит? Какое собрание? Даешь ли
Праздник, иль свадьбу пируешь? Не складочный пир здесь,
конечно.
Кажется только, что гости твои необузданно в вашем
Доме бесчинствуют: всякий порядочный в обществе с ними
[225] Быть устыдится, позорное их поведение видя». —
«Добрый мой гость, – отвечал рассудительный сын
Одиссеев, —
Если ты ведать желаешь, то все расскажу откровенно.
Некогда полон богатства был дом наш; он был уважаем
Всеми в то время, как здесь неотлучно тот муж находился.
[230] Ныне ж иначе решили враждебные боги, покрывши
Участь его неприступною тьмою для целого света;
Менее стал бы о нем я крушиться, когда бы он умер:
Если б в троянской земле меж товарищей бранных погиб он.
Иль у друзей на руках, перенесши войну, здесь скончался,
[235] Холм гробовой бы над ним был насыпан ахейским
народом,
Сыну б великую славу на все времена он оставил...
Ныне же Гарпии взяли его, и безвестно пропал он,
Светом забытый, безгробный, одно сокрушение и вопли
Сыну в наследство оставив. Но я не о нем лишь едином

[240] Плачу; другое великое горе мне боги послали:
Все, кто на разных у нас островах знамениты и сильны.
Первые люди Дулихия, Зама, лесного Закинфа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудят упорно ко браку и наше имение грабят;
[245] Мать же ни в брак ненавистный не хочет вступить,
ни от брака
Средств не имеет спастись; а они пожирают нещадно
Наше добро и меня самого напоследок погубят».
С гневом великим ему отвечала богиня Афина:
«Горе! Я вижу, сколь ныне тебе твой отец отдаленный
[250] Нужен, чтоб сильной рукой с женихами бесстыдными
сладить.
О, когда б он в те двери вступил, возвратяся внезапно,
В шлеме, щитом покровенный, в руке два копья
медноострых!..
Так впервые увидел его я в то время, когда он
В доме у нас веселился вином, посетивши в Эфире
[255] Ила, Мермерова сына (и той стороны отдаленной
Царь Одиссей достигал на своем корабле быстроходном;
Яда, смертельного людям, искал он, дабы напоить им
Стрелы свои, заощренные медью; но Ил отказался
Дать ему яда, всезрящих богов раздражить опасаясь;
[260] Мой же отец им его наделил по великой с ним дружбе).
Если бы в виде таком Одиссей женихам вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
Но – того мы, конечно, не ведаем – в лоне бессмертных
Скрыто: назначено ль свыше ему, возвратясь, истребить их
[265] В этом жилище, иль нет. Мы размыслим теперь совокупно,
Как бы тебе самому от грабителей дом свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и заметь про себя, что услышишь:
Завтра, созвав на совет благородных ахейян, пред ними
Все объяви ты, в свидетели правды призвавши бессмертных;
[270] После потребуй, чтоб все женихи по домам разошлись;
Матери ж, если супружество сердцу ее не противно,
Ты предложи, чтоб к отцу многосильному в дом возвратилась,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану, ее наделит он.
[275] Также усердно советую, если совет мой ты примешь:
Прочный корабль с двадцатью снарядивши гребцами,
отправься
Сам за своим отдаленным отцом, чтоб проведать, какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
[280] Пилос сперва посетив, ты узнай, что божественный
Нестор
Скажет; потом Менелая найди златовласого в Спарте:
Прибыл домой он последний из всех меднолатных ахейян.
Если услышишь, что жив твой родитель, что он возвратится,

Жди его год, терпеливо снося притеснения; когда же
[285] Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыпь и обычную пышно
Тризну по нем соверши; Пенелопу ж склони на замужство.
После, когда надлежащим порядком все дело устроишь,
[290] Твердо решившись, умом осмотрительным выдумай
средство,
Как бы тебе женихов, захвативших насильственно дом ваш,
В нем погубить иль обманом, иль явною силой; тебе же
Быть уж ребенком нельзя, ты из детского возраста вышел;
Знаешь, какую божественный отрок Орест перед целым
[295] Светом украсился честью, отмстивши Эгисту, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель?
Так и тебе, мой возлюбленный друг, столь прекрасно
созревший,
Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки хвалили.
Время, однако, уж мне возвратиться на быстрый корабль мой
[300] К спутникам, ждущим, конечно, меня с нетерпеньем
и скукой.
Ты ж о себе позаботься, уваживши то, что сказал я». —
«Милый мой гость, – отвечал рассудительный сын
Одиссеев, —
Пользы желая моей, говоришь ты со мною, как с сыном
Добрый отец; я о том, что советовал ты, не забуду.
[305] Но подожди же, хотя и торопишься в путь; здесь
прохладой
Баней и члены и душу свою освежив, возвратишься
Ты на корабль, к удовольствию сердца богатый подарок
Взяв от меня, чтоб его мне на память беречь, как обычай
Есть меж людьми, чтоб, прощаяся, гости друг друга дарили».
[310] Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Нет! Не держи ты меня, тороплюсь я безмерно в дорогу;
Твой же подарок, обещанный мне так радушно тобою,
К вам возвратяся, приму и домой увезу благодарно,
В дар получив дорогое и сам дорогим отдаривши».
[315] С сими словами Зевсова дочь светлоокая скрылась,
Быстрой невидимо птицею вдруг улетев. Поселила
Твердость и смелость она в Телемаховом сердце, живее
Вспомнить заставив его об отце; но проник он душою
Тайну и чувствовал страх, угадав, что беседовал с богом.
[320] Тут к женихам он, божественный муж, подошел;
перед ними
Пел знаменитый певец, и с глубоким вниманьем сидели
Молча они; о печальном ахеян из Трои возврате,
Некогда им учрежденном богиней Афиною, пел он.
В верхнем покое своем вдохновенное пенье услышав,
[325] Вниз по ступеням высоким поспешно сошла Пенелопа,
Старца Икария дочь многоумная: вместе сошли с ней

Две из служанок ее; и она, божество меж женами,
В ту палату вступив, где ее женихи пировали,
Подле столба, потолок там высокий державшего, стала,
[330] Щеки закрывши свои головным покрывалом блестящим;
Справа и слева почтительно стали служанки; царица
С плачем тогда обратила к певцу вдохновенному слово:
«Фемий, ты знаешь так много других, восхищающих душу
Песней, сложенных певцами во славу богов и героев;
[335] Спой же из них, пред собранием сидя, одну; и в молчанье
Гости ей будут внимать за вином; но прерви начатую
Песню печальную; сердце в груди замирает, когда я
Слышу ее: мне из всех жесточайшее горе досталось;
Мужа такого лишась, я всечасно скорблю о погибшем,
[340] Столь преисполнившем славой своей
и Элладу и Аргос». —
«Милая мать, – возразил рассудительный сын Одиссеев, —
Как же ты хочешь певцу запретить в удовольствие наше
То воспевать, что в его пробуждается сердце? Виновен
В том не певец, а виновен Зевес, посылающий свыше
[345] Людям высокого духа по воле своей вдохновенье.
Нет, не препятствуй певцу о печальном возврате данаев
Петь – с похвалою великою люди той песне внимают,
Всякий раз ею, как новою, душу свою восхищая;
Ты же сама в ней найдешь не печаль, а печали усладу:
[350] Был не один от богов осужден потерять день возврата
Царь Одиссей, и других знаменитых погибло немало.
Но удались: занимайся, как должно, порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабыни прилежны в работе
Были своей: говорить же не женское дело, а дело
[355] Мужа, и ныне мое: у себя я один повелитель».
Так он сказал; изумясь, обратно пошла Пенелопа;
К сердцу слова многоумные сына приняв и в покое
Верхнем своем затворяся, в кругу приближенных служанок
Плакала горько она о своем Одиссее, покуда
[360] Сладкого сна не свела ей на очи богиня Афина.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели,
Споря о том, кто из них с Пенелопею ложе разделит.
К ним обратясь, сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,
[365] Станем спокойно теперь веселиться:
прервите ваш шумный
Спор; нам приличней вниманье склонить к песнопевцу,
который,
Слух наш пленяя, богам вдохновеньем высоким подобен.
Завтра же утром вас всех приглашаю собраться на площадь.
Там всенародно в лицо вам скажу, чтоб очистили все вы
[370] Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
Тратя на них и черед наблюдая в своих угощениях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче

Всем одного разорять произвольно, без платы, – сожрите
Все; но на вас я богов призову; и Зевес не замедлит
[375] Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами». Он замолчал. Женихи, закусивши с досадою губы,
Смелым его пораженные словом, ему удивлялись.
Но Антиной, сын Евпейтов, ему отвечал, возражая:
[380] «Сами боги, конечно, тебя, Телемах, научили
Быть столь кичливым и дерзким в словах, и беда нам, когда ты
В волнообъятой Итаке, по воле Крониона, будешь
Нашим царем, уж имея на то по рожденью и право!»
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
[385] «Друг Антиной, не сердись на меня за мою откровенность:
Если б владычество дал мне Зевес, я охотно бы принял.
Или ты мыслишь, что царская доля всех хуже на свете?
Нет, конечно, царем быть не худо; богатство в царевом
Доме скопляется скоро, и сам он в чести у народа.
[390] Но меж ахейцами волнообъятой Итаки найдется
Много достойнейших власти и старых и юных; меж ними
Вы изберите, когда уж не стало царя Одиссея.
В доме ж своем я один повелитель; здесь мне подобает
Власть над рабами, для нас Одиссеем добытыми в битвах».
[395] Тут Евримах, сын Полибиев, так отвечал Телемаху:
«О Телемах, мы не знаем – то в лоне бессмертных сокрыто, —
Кто над ахейцами волнообъятой Итаки назначен
Царствовать; в доме ж своем ты, конечно, один повелитель;
Нет, не найдется, пока обитаема будет Итака,
[400] Здесь никого, кто б дерзнул на твое посягнуть достоянье.
Но я желал бы узнать, мой любезный, о нынешнем госте.
Как его имя? Какую своим он отечеством славит
Землю? Какого он рода и племени? Где он родился?
С вестью ль к тебе о желанном возврате отца приходил он?
[405] Иль посетил нас, по собственной нужде заехав в Итаку?
Вдруг он отсюда пропал, не дождавшись, чтоб с ним хоть немного
Мы ознакомились; был человек не простой он, конечно».-,
«Друг Евримах, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
День свиданья с отцом навсегда мной утрачен; не буду
[410] Более верить ни слухам о скором его возвращенье,
Ниже напрасным о нем прорицаньям, к которым, сзывая
В дом свой гадателей, мать прибегает. А нынешний гость наш
Был Одиссеевым гостем; он родом из Тафоса, Ментес,
Сын Анхиала, царя многоумного, правит народом
[415] Веслолюбивых тафийцев». Но, так говоря, убежден был
В сердце своем Телемах, что богиню бессмертную видел.
Те же, опять обратившись к пляске и сладкому пенью,
Начали снова шуметь в ожидании ночи; когда же
Черная ночь посреди их веселого шума настала,
[420] Все разошлись по домам, чтоб предаться беспечно покою.
Скоро и сам Телемах в свой высокий чертог (на прекрасный

Двор обращен был лицом он с обширным пред окнами видом),
Всех проводивши, пошел, про себя размышляя о многом.
Факел зажженный неся, перед ним с осторожным усердьем
[425] Шла Еврикля, разумная дочь Певсенорида Опса;
Куплена в летах цветущих Лаэртом она – заплатил он
Двадцать быков, и ее с благонравной своею супругой
В доме своем уважал наравне, и себе не позволил
Ложа коснуться ее, опасаясь ревности женской.
[430] Факел неся, Еврикля вела Телемаха – за ним же
С детства ходила она и ему угождала усердней
Прочих невольниц. В богатую спальню она отворила
Двери; он сел на постелю и, тонкую снявши сорочку,
В руки старушки заботливой бросил ее; осторожно
[435] В складки сложив и уладив, на гвоздь Еврикля сорочку
Подле кровати, искусно точеной, повесила; тихо
Вышла из спальни; серебряной ручкою дверь затворила;
Крепко задвижку ремнем затянула; потом удалилась.
Он же всю ночь на постеле, покрытый овчиною мягкой,
[440] В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной.

Песнь вторая

Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Ложу покинул тогда и возлюбленный сын Одиссеев;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,
[5] Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Звонкоголосых глашатаев царских созвав, повелел он
Кликнуть им клич, чтоб на площадь собрать густовласых
ахеян;
Кликнули те; собралися на площадь другие; когда же
Все собралися они и собрание сделалось полным,
[10] С медным в руке он копьем перед сонмом народным
явился —
Был не один, две лихие за ним прибежали собаки.
Образ его несказанной красой озарила Афина,
Так что дивилися люди, его подходящего вида.
Старцы пред ним раздалися, и сел он на месте отцовом.
[15] Первое слово тогда произнес благородный Египтий,
Старец, согбенный годами и в жизни изведавший много;
Сын же его Антифонт копьевержец с царем Одиссеем
В конеобильную Трою давно в корабле крутобоком
Поплыл; он был умерщвлен Полифемом свирепым в глубоком
[20] Гроте, последний, похищенный им для вечерняя пищи.
Три оставались старцу: один, Еврином, с женихами

Буйствовал; два помогали отцу обрабатывать поле;
Но о погибшем не мог позабыть он; об нем он все плакал,
Все сокрушался; и так, сокрушенный, сказал он народу:
[25] «Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки;
Мы на совет не сходились ни разу с тех пор, как отсюда
Царь Одиссей в быстроходных своих кораблях удалился.
Кто же нас собрал теперь? Кому в том внезапная нужда?
Юноша ли расцветающий? Муж ли, годами созрелый?

[30] Слышал ли весть о идущей на нас неприятельской силе?
Хочет ли нас остеречь, наперед все подробно разведав?
Или о пользе народной какой предложить нам намерен?
Должен быть честный он гражданин; слава ему! Да поможет
Зевс помышлениям добрым его совершиться успешно».

[35] Кончил. Словами его был обрадован сын Одиссеев;
Встать и к собранию речь обратить он немедля решился;
Выступил он пред людей, и ему, к ним идущему, в руку
Скипетр вложил Певсенеор, глашатай, разумный советник.
К старцу сперва обратясь, ему он сказал: «Благородный

[40] Старец, он близко (и скоро его ты узнаешь), кем здесь вы
Собраны, – это я сам, и печаль мне великая ныне.
Я не слыхал о идущей на нас неприятельской силе;
Вас остеречь не хочу, наперед все подробно разведав,
Также о пользах народных теперь предлагать не намерен.

[45] Ныне о собственной, дом мой постигшей, беде говорю я.
Две мне напасти; одна: мной утрачен отец благородный,
Бывший над вами царем и всегда, как детей, вас любивший;
Более ж злая другая напасть, от которой весь дом наш
Скоро погибнет и все, что в нем есть, до конца истребится,

[50] Та, что преследуют мать женихи неотступные, наших
Граждан знатнейших, собравшихся здесь, сыновья;
им противно
Прямо в Икариев дом обратиться, чтоб их предложенье
Выслушал старец и дочь, наделенную щедро приданым,
Отдал по собственной воле тому, кто приятнее сердцу.

[55] Нет; им удобней, вседневно врываясь в дом наш толпою,
Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить. Наш дом разоряется, ибо уж нет в нем такого
Мужа, каков Одиссей, чтоб его от проклятья избавить.

[60] Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и после
Будем, достойные жалости, вовсе без всякой защиты.
Если бы сила была, то и сам я нашел бы управу;
Но нестерпимы обиды становятся; дом Одиссеев
Грабят бесстыдно. Ужель не тревожит вас совесть?
По крайней

[65] Мере чужих устыдитесь людей и народов окружных,
Нам сопредельных, богов устрашитесь мщенья, чтоб гневом
Вас не постигли самих, негодую на вашу неправду.
Я ж к олимпийскому Зевсу взываю, взываю к Фемиде,
Строгой богине, советы мужей учреждающей! Наше

[70] Право признайте, друзья, и меня одного сокрушаться
Горем оставьте. Иль, может быть, мой благородный родитель
Чем оскорбил здесь умышленно меднообутых ахеев;
Может быть, то оскорбление на мне вы умышленно мстите,
Грابتь наш дом возбуждая других? Но желали бы лучше

[75] Мы, чтоб и скот наш живой и лежащий запас наш вы сами
Силою взяли; тогда бы для нас сохранилась надежда:

Мы бы дотоле по улицам стали скитаться, моля вас
Наше отдать нам, покуда не все бы нам отдано было;
Ныне ж вы сердце мое безнадежным терзаете горем».
[80] Так он во гневе сказал и повергнул на землю свой скипетр;
Слезы из глаз устремились: народ состраданье проникло;
Все неподвижно-безмолвны сидели; никто не решился
Дерзостным словом ответить сыну царя Одиссея.
Но Антиной поднялся и воскликнул, ему возражая:
[85] «Что ты сказал, Телемах, необузданный, гордоречивый?
Нас оскорбив, ты на нас и вину возложить замышляешь?
Нет, обвинять ты не нас, женихов, пред ахейским народом
Должен теперь, а свою хитроумную мать, Пенелопу.
Три совершилося года, уже наступил и четвертый
[90] С тех пор, как, нами играя, она подает нам надежду
Всем, и каждому порознь себя обещает, и вести
Добрые шлет к нам, недоброе в сердце для нас замышляя.
Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:
Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там
[95] Тонко-широкую ткань и, собравши нас всех, нам сказала:
«Юноши, ныне мои женихи, – поелику на свете
Нет Одиссея, – отложим наш брак до поры той, как будет
Кончен мой труд, чтоб начатая ткань не пропала мне даром;
Старцу Лаэрту покров гробовой приготовить хочу я
[100] Прежде, чем будет он в руки навек усыпляющей смерти
Парками отдан, дабы не посмели ахейские жены
Мне попрекнуть, что богатый столь муж погребен без покрова».
Так нам сказала, и мы покорились ей мужеским сердцем.
Что же? День целый она за тканьем проводила, а ночью,
[105] Факел зажегши, сама все натканное днем распускала.
Три года длился обман, и она убеждать нас умела;
Но когда обращеньем времен приведен был четвертый —
Всем нам одна из служительниц, знавшая тайну, открыла;
Сами тогда ж мы застали ее за распушенной тканью;
[110] Так и была приневолена нехотя труд свой окончить.
Ты же нас слушай; тебе отвечаем, чтоб мог ты все ведать
Сам и чтоб ведали все равномерно с тобой и ахейцы:
Мать отошли, повелев ей немедля, на брак согласившись,
Выбрать меж нами того, кто отцу и самой ей угоден.
[115] Если же долее будет играть сыновьями ахеян...
Разумом щедро ее одарила Афина; не только
В разных она рукодельях искусна, но также и много
Хитростей знает, неслыханных в древние дни и ахейским
Женам прекраснокудрявым неведомых; что ни Алкмене
[120] Древней, ни Тиро, ни пышно-венчанной царевне Микене
В ум не входило, то ныне увертливый ум Пенелопы
Нам ко вреду избобрел; но ее изобретенья тщетны;
Знай, не престанем твой дом разорять мы до тех пор, покуда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами
[125] В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу

То обратится, но ты истребленье богатства оплачешь;
Мы, говорю, не пойдем от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа». —
«О Антиной, – отвечал рассудительный сын Одиссеев, —
[130] Я не дерзну и помыслить о том, чтоб велеть удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отец мой далеко;
Жив ли, погиб ли, – не знаю; но трудно с Икарием будет
Мне расплатиться, когда Пенелопу отсюда насильно
Вышлю – тогда я подвергнусь и гневу отца и гоненью
[135] Демона: страшных Эриний, свой дом покидая, назовет
Мать на меня, и стыдом пред людьми я покроюсь вечным.
Нет, никогда не отважусь сказать ей подобного слова.
Вы же, когда хоть немного тревожит вас совесть, покиньте
Дом мой; иные пиры учреждайте, свое, а не наше
[140] Тратя на них и черед наблюдая в своих угощениях.
Если ж находите вы, что для вас и приятней и легче
Всем одного разорять произвольно, без платы, – сожрите
Все; но на вас я богов призову, и Зевес не замедлит
Вас поразить за неправду: тогда неминуемо все вы,
[145] Так же без платы, погибнете в доме, разграбленном вами».
Так говорил Телемах. И внезапно Зевес громовержец
Свыше к нему двух орлов ниспослал от горы каменистой;
Оба сначала, как будто несомые ветром, летели
Рядом они, широко распустивши огромные крылья;
[150] Но, налетев на средину собрания, полного шумом,
Начали быстро кружить с непрерывными взмахами крыльев;
Очи их, сверху на головы глядя, сверкали бедою;
Сами потом, расцарапав друг другу и груди и шеи,
Вправо умчались они, пролетев над собранием и градом.
[155] Все, изумленные, птиц провожали глазами, и каждый
Думал о том, что явление их предвещало в грядущем.
Выступил тут пред народ Алиферс, многоопытный старец,
Сын Масторов; из сверстников всех он один по полету
Птиц был искусен гадать и пророчил грядущее; полный
[160] Мыслей благих, обратясь к согражданам, так им сказал он:
«Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки.
Прежде, однако, дабы женихов образумить, скажу я
Им, что беда неизбежная мчится на них, что недолго
Будет в разлуке с семейством своим Одиссей, что уже он
[165] Где-нибудь близко таится, и смерть и гибель готова
Всем им, что также и многим другим из живущих в Итаке
Горновозвышенной бедствие будет. Размыслим же, как бы
Вовремя нам обуздать их; но лучше, конечно, когда бы
Сами они усмирились; то ныне всего бы полезней
[170] Было для них: не безопытно так говорю, но наверно
Зная, что будет; сбылось, утверждаю, и все, что ему я
Здесь предсказал перед тем, как пошли кораблями ахейцы
В Трою и с ними пошел Одиссей многоумный. По многих
Бедствиях (так говорил я) и спутников всех потерявши,

[175] Всем незнакомый, в исходе двадцатого года в отчизну
Он возвратится. Мое предсказанье свершается ныне».
Кончил. Ему отвечал Евримах, сын Полибиев: «Лучше,
Старый рассказчик, домой возвратись и своим малолетним
Детям пророчествуй там, чтоб беды им какой не случилось.
[180] В нашем же деле вернее тебя я пророк; мы довольно
Видим летающих на небе в светлых лучах Гелиоса
Птиц, но не все роковые. А царь Одиссей в отдаленном
Крае погиб. И тебе бы погибнуть с ним вместе! Тогда бы
Здесь ты не стал предсказаний таких вымышлять, возбуждая
[185] Гнев в Телемахе, уже раздраженном, и, верно, надеясь
Что-нибудь в дар от него получить для себя и домашних.
Слушай, однако, – и то, что услышишь, исполнится верно, —
Если ты этого юношу с старым своим многознаньем
Будешь пустыми словами на гнев возбуждать, то, конечно,
[190] Это в сугубое горе ему самому обратится;
Против нас всех он один ничего совершить не успеет.
Ты ж, безрассудный старик, навлечешь на себя наказание,
Тяжкое сердцу: мы горько заставим тебя сокрушаться.
Ныне я боле полезный совет предложу Телемаху:
[195] Матери пусть повелит он к Икарию в дом возвратиться,
Где, приготовив все нужное к браку, богатым приданым
Милую дочь, как прилично то сану ее, наделит он.
Иначе, думаю, мы, сыновья благородных ахеев,
Мучить ее не престанем своим сватовством. Никого здесь
[200] Мы не боимся, ни полного звучных речей Телемаха,
Ниже пророчеств, которыми ты, говорун поседельный,
Всем докучаешь, – ты нам оттого ненавистней; а дом их
Весь разорим мы на наши пиры, и от нас воздаянья
Им не иметь никакого, пока на желаемый нами
[205] Брак не решится она; ожидая вседневно, кто будет
Ею из нас, наконец, предпочтен, мы к другим обратимся
Медлим невестам, чтоб выбрать, как следует, жен между ними».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«О Евримах, и вы все, женихи знаменитые, боле
[210] Вас убеждать не хочу и вперед не скажу вам ни слова;
Боги все ведают, все благородным ахейцам известно.
Вы же мне прочный корабль с двадцатью приобыкшими
быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите: хочу я
Спарту и Пилос песчаный сперва посетить, чтоб проведать,
[215] Есть ли там слухи какие о милом отце и какая
В людях молва про него, иль услышать о нем прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людям Зевесово слово.
Если узнаю, что жив он, что он возвратится, то буду
Ждать его год, терпеливо снося притеснения; когда же
[220] Скажет молва, что погиб он, что нет уж его меж живыми,
То, незамедленно в милую землю отцов возвратяся,
В честь ему холм гробовой здесь насыплю и должную пышно

Тризну по нем совершу; Пенелопу ж склоню на замужство». Кончив, он сел и умолкнул. Тогда поднялся неизменный [225] Спутник и друг Одиссея, царя беспорочного, Ментор. Вверил ему Одиссей при отплытии дом, быть покорным Старцу Лаэрту и все сберегать повелевши. И полный Мыслей благих, обратясь к согражданам, так им сказал он: «Выслушать слово мое приглашаю вас, люди Итаки: [230] Кротким, благим и приветливым быть уж вперед ни единый

Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца изгнавши, Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, Если могли вы забыть Одиссея, который был нашим Добрым царем и народ свой любил, как отец благодушный. [235] Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое. Сами своею играют они головой, разоряя Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим. Вас же, граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись, [240] Вы равнодушно сидите и слова не скажете против Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое». Сын Евеноров тогда, Леокрыт, негодуя, воскликнул: «Что ты сказал, безрассудный, зломышленный Ментор? Смирить нас

Гражданам ты предлагаешь; но сладить им с нами, которых [245] Также немало, на пиршестве трудно. Хотя бы внезапно Сам Одиссей твой, Итаки властитель, явился и силой Нас, женихов благородных, в его веселящихся доме, Выгнать оттуда замыслил, его возвращенье в отчизну Было б жене, тосковавшей так долго по нем, не на радость: [250] Злая погибель его бы постигла, когда бы нас многих Вздумал один одолеть он; неумное слово сказал ты. Вы ж разойдитесь, люди, и каждый займися домашним Делом. А Ментор пускай и мудрец Алиферс, Одиссею Верность свою сохранившие, в путь снарядят Телемаха; [255] Долго, однако, я думаю, здесь просидит он, собирая Вести; пути же ему своего совершить не удастся». Так он сказав, распустил самовольно собрание народа. Все, удалясь, по своим разошлись домам; женихи же В дом Одиссея, царя благородного, вновь возвратились. [260] Но Телемах одиноко пошел на песчаное взморье. Руки соленою влагой умыв, возгласил он к Афине: «Ты, посетившая дом мой вчера и в туманное море Плыть повелевшая мне, чтоб разведал я, странствуя, нет ли Слухов о милом отце и его возвращенье, богиня, [265] Мне помоги благосклонно; ахейцы мой путь затрудняют; Паче ж других женихи многосильные, полные злобы». Так говорил он, молясь, и пред ним во мгновение ока, Сходная с Ментором видом и речью, предстала Афина. Голос возвысив, богиня крылатое бросила слово:

[270] «Смел, Телемах, и разумен ты будешь, когда обладаешь
Тою великою силой, с какою и словом и делом
Все твой отец, что хотел, совершал; и достигнешь желанной
Цели, свой путь беспрепятственно кончив; когда ж не прямой ты
Сын Одиссеев, не сын Пенелопин прямой, то надежды
[275] Есть для тебя, что успешно свершишь предпринятое дело.
Редко бывают подобны отцам сыновья; все большею
Частью хуже отцов и немногие лучше. Но будешь
Ты, Телемах, и разумен и смел, поелику не вовсе
Ты Одиссеевой силы великой лишен; и надежда
[280] Есть для тебя, что успешно свершишь предпринятое
дело.
Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляют – оставь их;
Горе безумным! Они в слепоте, незнакомые с правдой,
Смерти своей не предвидят, ни черной судьбы, ежедневно
К ним подступающей ближе и ближе, чтоб вдруг погубить их.
[285] Ты же свое предпринять путешествие можешь немедля;
Будучи другом твоим по отцу твоему, снаряжу я
Быстрый корабль для тебя и последую сам за тобою.
Но возвратися теперь к женихам; а тебе на дорогу
Пусть приготовят съестное, пускай им наполнят сосуды;
[290] Пусть и в амфоры вина нацедят и муки, мореходца
Снеди питательной, в кожаных, плотных мехах приготовят.
Тою порой я гребцов наберу; кораблей же в Итаке,
Морем объятой, немало и новых и старых; меж ними
Лучший я выберу сам; и немедленно будет он нами
[295] В путь изготовлен, и спустим его на священное море».
Так говорила Афина, Зевесова дочь, Телемаху.
Голос богини услышав, он берег немедля покинул.
В дом возвратися с печалию милого сердца, нашел он
Там женихов многосильных: одни обдирали в покоях
[300] Коз, а другие, зарезав свиней, на дворе их палили.
С колкой усмешкой к нему подошел Антиной и, насильно
За руку взявши его и назвавши по имени, молвил:
«Юноша вспыльчивый, злой говорун, Телемах, не заботься
Боле о том, чтоб вредить нам иль словом, иль делом, а лучше
[305] Дружески с нами без всяких забот веселись, как бывало.
Волю ж твою не замедлят ахейцы исполнить: получишь
Ты и корабль и отборных гребцов, чтоб скорее достигнуть
В Пилос, любезный богам, и узнать об отце отдаленном».
Кротко ему отвечал рассудительный сын Одиссеев:
[310] «Нет, Антиной, неприлично мне с вами, надменными,
вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,
[315] Все я узнал и когда уж во мне пробудилася бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликасть,

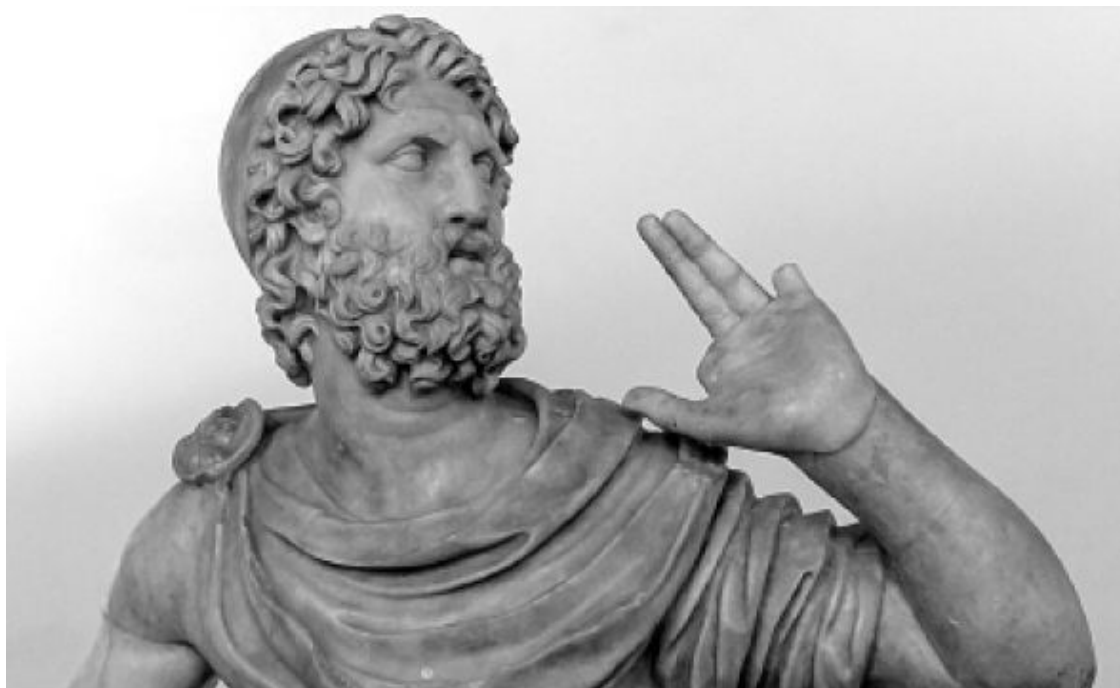
Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос, иль здесь отыскавши
Средство. Я еду – и путь мой напрасен не будет, хотя я
Еду попутчиком, ибо (так было устроено вами)
[320] Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно».
Так он сказал и свою из руки Антиноевой руку
Вырвал. Меж тем женихи, изобильный обед учреждая,
Многими колкими сердце его оскорбляли речами.
Так говорили одни из ругателей дерзко-надменных:
[325] «Нас Телемах погубить не на шутку замыслил;
быть может,
Многих он в помощь себе приведет из песчаного Пилоса,
многих
Также из Спарты; о том он, мы видим, заботится сильно.
Может случиться и то, что богатую землю Эфиру
Он посетит, чтоб, добывши там яду, смертельного людям,
[330] Здесь отравить им кратеры и разом нас всех
уничтожить». —
«Но, – отвечали другие насмешливо первым, – кто знает!
Может случиться легко, что и сам, как отец, он погибнет,
Долго бродив по морям далеко от друзей и домашних.
Тем он, конечно, и нас озаботит: тогда нам придется
[335] Все разделить меж собой их имущество; дом же уступим
Мы Пенелопе и мужу, избранному ею меж нами».
Так женихи. Телемах же пошел в кладовую отцову,
Зданье просторное; злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистою масла хранилось;
[340] Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток
В недре глубоком, на случай, когда Одиссей возвратится
В дом, претерпевши тяжелых скорбей и превратностей много.
Двери двустворные, дважды замкнутые, в ту кладовую
[345] Входом служили; почтенная ключница денно и ночью
Там с многоопытным, зорким усердьем в порядке держала
Все Евриклея, разумная дочь Певсенорида Описа.
В ту кладовую позвав Евриклею, сказал Телемах ей:
«Няня, амфоры наполни вином благовонным, вкуснейшим
[350] После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, и все уповая, что в дом свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.
Им ты двенадцать наполни амфор и амфоры закупорь;
Так же и кожаных, плотных мехов приготовь, оржаною
[355] Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалось
двадцать
Мер; но об этом ты ведай одна; собери все припасы
В кучу; за ними приду ввечеру я, в то время, когда уж
В верхний покой свой уйдет Пенелопа, о сне помышляя.
Спарту и Пилос песчаный хочу посетить, чтоб проведать.
[360] Нет ли там слухов о милом отце и его возвращенье».
Кончил. Ему Евриклея, усердная няня, заплакав,

С громким рыданием крылатое бросила слово: «Зачем ты, Милое наше дитя, отворяешь таким помышленьям Сердце? Зачем в отдаленную, чуждую землю стремишься [365] Ты, утешение наше единое? Твой уж родитель Встретил конец меж народов враждебных от дома далеко; Здесь же, покуда ты странствовать будешь, коварно устроят Ков, чтоб известь и тебя, и твое все богатство разделят. Лучше останься у нас при своем; ни малейшей нет нужды [370] В страшное море тебе на беды и на бури пускаться». Ей отвечая, сказал рассудительный сын Одиссеев: «Няня, мой друг, не тревожься; не мимо богов я решился В путь, но клянись мне, что мать от тебя ни о чем не узнает Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать, [375] Или покуда не спросит сама обо мне, иль другой кто Тайны не скажет, – боюсь, чтоб от плача у ней не поблекла Свежесть лица». Евриклея богами великими стала Клясться; когда ж поклялася и клятву свою совершила, Тотчас она, благовонным вином все амфоры наливши, [380] Кожаных плотных мехов приготовила, полных мукою. Он же, домой возвратившись, там с женихами остался. Умная мысль родилась тут в сердце Паллады Афины: Вид Телемаха принявши, она обежала весь город; К каждому встречному ласково речь обращая, собраться [385] Всех пригласила она ввечеру на корабль быстроходный. После, пришед к Ноемону, разумного Фрония сыну, Дать ей просила корабль – Ноемон согласился охотно. Солнце тем временем село, и все потемнели дороги. Легкий корабль на соленую влагу спустив и запасы, [390] Нужные каждому прочному судну, собравши, на самом Выходе в море из бухты его поместила богиня. Люди сошлись, и в каждом она возбудила отважность. Новая мысль родилась тут в сердце Паллады Афины: В дом Одиссея, царя благородного, вшедши, богиня [395] Сладкий сон на пирующих там женихов навела, помутила Мысли у пьющих и вырвала кубки из рук их; влеченью Сна уступивши, они по домам разошлись и недолго Ждали его, не замедлил он пасть на усталые вежды. Тут светлоокая Зевсова дочь Телемаху сказала, [400] Вызвав его из устроенной пышно палаты столовой, Сходная с Ментором видом и речью: «Пора, Телемах, нам; Все собрались уж светлообутые спутники наши; Сидя у весел, они ожидают тебя с нетерпеньем; Время идти; не годится нам доле откладывать путь свой». [405] Кончив, Паллада Афина пошла впереди Телемаха Быстрым шагом; поспешно пошел Телемах за богиней. К морю и к ждавшему их кораблю подошедши, они там Спутников густокудрявых нашли у песчаного берега. К ним обратилась тогда Телемахова сила святая: [410] «Братья, принесть поспешим путевые запасы; они уж

Все приготовлены в доме, и мать ни о чем не слыхала;
Также ничто и рабыням не сказано; тайну одна лишь
Знает». И быстро пошел впереди он; за ним все другие.
Взявши запасы, они их на прочно устроенном судне
[415] Склали, как то повелел им возлюбленный сын Одиссеев.
Скоро и сам он вступил на корабль за богиней Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней рядом
Сел Телемах, и гребцы, отвязавши поспешно канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.
[420] Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер
попутный,
Свежий повеял зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им скорее
Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
[425] В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели;
Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
[430] Тут корабельщики, черное быстрое судно устроив,
Чаши наполнили сладким вином и, молясь, сотворили
Должное вечнорожденным, бессмертным богам возлиянье,
Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь совершало.

Песнь третья

Гелиос с моря прекрасного встал и явился на медном
Своде небес, чтоб сиять для бессмертных богов и для смертных,
Року подвластных людей, на земле плодоносной живущих.
Тою порою достигнул корабль до Нелеева града
[5] пышного, Пилоса. В жертву народ приносил там на бреге
Черных быков Посейдону, лазурнокудрявому богу;
Было там девять скамей; на скамьях, по пяти сот на каждой,
Люди сидели, и девять быков перед каждою было.
Сладкой отведав утробы, уже сожигали пред богом
[10] Бедро в то время, как в пристань вошли мореходцы.
Убравши
Снасти и якорем шаткий корабль утвердивши, на землю
Вышли они; Телемах, за Афиною следуя, также
Вышел. К нему обратясь, богиня Афина сказала:
«Сын Одиссеев, теперь уж застенчивым быть ты не должен;
[15] Ибо затем мы и в море пустились, чтоб сведать, в какую
Землю отец твой судьбиною брошен и что претерпел он.
Смело приблизься к коней обуздателю Нестору; знать нам
Должно, какие в душе у него заключаются мысли.
Смело его попроси, чтоб тебе объявил он всю правду;
[20] Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим». —
«Но, – отвечал рассудительный сын Одиссеев богине, —
Как подойти мне? Какое скажу я приветствие, Ментор?
Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен;
Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать
старших?»
[25] Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Многое сам, Телемах, ты своим угадаешь рассудком;
Многое демон откроет тебе благосклонный; не против
Воли ж бессмертных, я думаю, был ты рожден и воспитан».
Кончив, богиня Афина пошла впереди Телемаха
[30] Быстрым шагом; за нею пошел Телемах; и поспешно
К месту подходят они, где пилейцы, собравшись, сидели;
Там с сыновьями и Нестор сидел; их друзья, учреждая
Пир, сутились, вздевали на вертелы, жарили мясо.
Все, иноземцев увидя, пошли к ним навстречу и, руки
[35] Им подавая, просили их сесть дружелюбно с народом.
Первый, их встретивший, Несторов сын, Писистрат
благородный,
Ласково за руки взявши обоих, на бреге песчаном
Место на мягких разостланных кожах занять пригласил их
Между отцом престарелым и братом младым Фрасимедом.
[40] Сладкой утробы отведать им дав, он вином благовонным
Кубок наполнил, вина отхлебнул и сказал светлоокой
Дочери Зевса эгидодержавца Палладе Афине:

«Странник, ты должен призвать Посейдона владыку: вы ныне
Прибыли к нам на великий праздник его; совершивши
[45] Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье с молитвой,
Ты и товарищу кубок с напитком божественно-чистым
Дай, он, я думаю, молится также богам, поелику
Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду.
Он же моложе тебя и, конечно, ровесник со мною;
[50] Вот почему я и кубок тебе наперед предлагаю».
Кончив, он передал кубок с вином благовонным Афине.
Был ей приятен поступок разумного юноши, первой
Ей предложившего кубок с вином благовонным; и стала
Голосом громким она призывать Посейдона владыку:
[55] «Царь Посейдон земледержец, молюся тебе, не отвергни
Нас, уповающих здесь, что желания наши исполнишь.
Нестору славу с его сыновьями, во-первых, даруй ты;
После богатую милость яви и другим, благосклонно
Здесь от пилийцев великую ныне приняв гекатомбу;
[60] Дай нам потом, Телемаху и мне, возвратиться, окончив
Все, для чего мы приплыли сюда в корабле крутобоком».
Так помолясь, совершила сама возлиянье богиня;
После двурусный кубок она подала Телемаху;
В свой помолился черед и возлюбленный сын Одиссеев.
[65] Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Роздали части и начали пир многославный; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Речь обратил к посетителям Нестор, герой геренейский:
«Странники, мне уж теперь неприлично не будет спросить вас,
[70] Кто вы, понеже уж пищею вы насладились довольно.
Кто ж вы, скажите? Откуда к нам прибыли влажной дорогой;

Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные, мчась,
Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
[75] С духом собравшись, на то рассудительный сын Одиссеев
Так, отвечая, сказал (и Афина ему ободряла
Сердце, чтоб Нестора мог он спросить об отце отдаленном,
Также чтоб в людях о нем утвердилась добрая слава):
«Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахейн,
[80] Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю правду скажу я:
Мы из Итаки, под склоном лесистым Нейона лежащей;
Прибыли ж к вам не за общим народным,
за собственным делом;
Странствую я, чтоб, молву об отце вопрошая, проведать,
Где Одиссей благородный, в бедах постоянный, с которым
[85] Ратуя вместе, вы град Илион, говорят, сокрушили.
Прочие ж, сколько их ни было, против троян воевавших,
Бедственно, слышали мы, в стороне отдаленной погибли
Все; а его и погибель от нас неприступно Кронион
Скрыл; где нашел он конец свой, не знает никто: на земле ли
[90] Твердой он пал, пересиленный злыми врагами, в зыбях ли
Моря погиб, поглощенный холодной волной Амфитриты.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого услышал случайно
[95] Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все Расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец, Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою
[100] В Трое он был, где столь много вы бед претерпели,
ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все Расскажи мне».
Так Телемаху отвечал Нестор, герой геренейский:
«Сын мой, как сильно напомнил ты мне о напастях, в земле той
Встреченных нами, ахейцами, твердыми в опыте строгом,
[105] Частью, когда в кораблях, предводимые бодрым
Пелидом,
Мы за добычей по темно-туманному морю гонялись,
Частью, когда пред крепким Приамовым градом с врагами
Яростно бились. Из наших в то время все лучшие пали:
Лег там Аякс бедоносный, там лег Ахиллес и советов
[110] Мудростью равный бессмертным Патрокл,
и лежит там мой милый
Сын Антилох, беспорочный, отважный и столько же дивный
Легкостью бега, сколь был он бесстрашный боец. И немало
Разных других испытали мы бедствий великих, о них же
Может ли все рассказать хоть один из людей земнородных?
[115] Если б и целые пять лет и шесть лет ты мог
беспрестанно

Вести собирать о бедах, приключившихся бодрым ахейцам,
Ты бы, всего не узнав, недоволен домой возвратился.

Девять трудились лет мы, чтоб их погубить, вымышляя
Многие хитрости, – кончить насилиу решился Кронион.

[120] В умных советах никто там не мог наряду быть
поставлен

С ним: далеко опереживал всех изобретеньем многих
Хитростей царь Одиссей, благородный родитель твой, если
Подлинно сын ты его. С изумленьем смотрю на тебя я;

С ним и речами ты сходен; но кто бы подумал, чтоб было
[125] Юноше можно так много с ним сходствовать умною
речью?

Я ж постоянно, покуда войну мы вели, на совете ль,
В сонме ль народном, всегда заодно говорил с Одиссеем;
В мненьях согласные, вместе всегда мы, обдумавши строго,
То лишь одно избирали, что было ахейцам полезней.

[130] Но когда, ниспровергнувши город Приама великий,
Мы к кораблям возвратились, бог разлучил нас: Кронион
Бедственный путь по морям приготовить замыслил ахейцам.

Был не у каждого светел рассудок, не все справедливы
Были они – потому и постигнула злая судьбина

[135] Многих, разгневавших дочь светлоокою страшного бога.

Сильную распрю богиня Афина зажгла меж Атридов:

Оба, созвать вознамерясь людей на совет, безрассудно

Собрали их не в обычное время, когда уж садилось

Солнце; ахейцы сошлись, вином охмеленные; те же

[140] Стали один за другим объяснять им причину собрания:

Требовал царь Менелай, чтоб аргивские мужи в обратный

Путь по широкому моря хребту устремились немедля;

То Агамемнон отвергнул: ахейцев еще удержать он

Мыслил затем, чтоб они, совершив гекатомбу святую,

[145] Гнев примирили ужасной богини... младенец! Еще он,

Видно, не знал, что уж быть не могло примирения с нею:

Вечные боги не скоро в своих изменяются мыслях.

Так, обращая друг к другу обидные речи, там оба

Брата стояли; собрание светлообутых ахеян

[150] Воплем наполнилось яростным,

на два разрознившись мненья.

Всю ту мы ночь провели в неприязненных друг против друга

Мыслях: уж нам, беззаконным, готовил Зевес наказание.

Утром одни на прекрасное море опять кораблями

(Взяв и добычу и дев, глубоко опоясанных) вышли.

[155] Но половина другая ахеян осталась на бреге

Вместе с царем Агамемноном, пастырем многих народов.

Дали мы ход кораблям, и они по волнам побежали

Быстро: под ними углаживал бог многоводное море.

Скоро пришед в Тенедос, принесли мы там жертву

бессмертным,

[160] Дать нам отчизну моля их, но Дий непреклонный

еще нам
Медлил дозволить возврат: он вторичной враждой
возмутил нас.
Часть за царем Одиссеем, подателем мудрых советов,
В многовесельных пустясь кораблях, устремилась в обратный
Путь, чтоб Атриду царю Агамемнону вновь покориться.
[165] Я же поспешно со всеми подвластными мне кораблями
Поплыл вперед, угадав, что готовил нам бедствие демон;
Поплыл со всеми своими и сын бедоносный Тидея;
Позже отправился в путь Менелай златовласый: в Лесбосе
Нас он нагнал, нерешимых, какую избрать нам дорогу:
[170] Выше ль скалами обильного Хиоса путь свой на Псиру
Править, ее оставляя по левую руку, иль ниже
Хиоса мимо открытого воющим ветрам Миманта?
Дия молили мы знаменье дать нам; и, знаменье давши,
Он повелел, чтоб, разрезавши море по самой середине,
[175] Шли мы к Евбее для скорого близкой беды избежания;
Ветер попутный, свистя, зашумел, и, рыбообильный
Путь совершая легко, корабли до Гереста достигли
К ночи; от многих быков возложили мы тучные бедра
Там на алтарь Посейдонов, измерив великое море.
[180] День совершился четвертый, когда, добежав до Аргоса,
Все корабли Диомеда, коней обуздателя, стали
В пристани. Прямо тем временем в Пилос я плыл, и ни разу
Ветер попутный, вначале нам посланный Дием, не стихнул.
Так возвратился я, сын мой, без всяких вестей; и доньше
[185] Сведать еще я не мог, кто погиб из ахейян, кто спасся.
Что ж от других мы узнали, живя под домашнею кровлей,
То вам, как следует, я расскажу, ничего не скрывая.
Слышали мы, что с младым Ахиллеса великого сыном
Все мирмидоны его, копьеносцы домой возвратились;
[190] Жив, говорят, Филоктет, сын Пеанов возлюбленный;
здорово
Идомей (никого из спутников, с ним избежавших
Вместе войны, не утративши на море) Крита достигнул;
К вам же, конечно, и в дальнюю землю дошел об Атриде
Слух, как домой возвратился он, как умерщвлен был Эгистом,
[195] Как и Эгист, наконец, по заслуге приял воздаянье.
Счастье, когда у погибшего мужа останется бодрый
Сын, чтоб отмстить, как Орест, поразивший Эгиста, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель!
Так и тебе, мой возлюбленный друг,
столь прекрасно созревший,
[200] Должно быть твердым, чтоб имя твое и потомки
хвалили».
Выслушав Нестора, так отвечал Телемах благородный:
«Сын Нелеев, о Нестор, великая слава ахейян,
Правда, отмстил он, и страшно отмстил, и ему от народов
Честь повсеместная будет и будет хвала от потомства.

[205] О, когда б и меня одарили такую же силой
Боги, чтоб так же и я мог отмстить женихам, наносящим
Столько обид мне, коварно погибель мою замышляя!
Но благодати великой такой ниспослать не хотели
Боги ни мне, ни отцу – и удел мой отныне терпенье».

[210] Так Телемаху отвечивал Нестор, герой геренейский:
«Сам ты, мой милый, о том мне своими словами напомнил;
Слышали мы, что, твою благородную мать притесняя,
В доме твоём женихи беззаконного делают много.
Знать бы желал я: ты сам ли то волею сносишь? Народ ли
[215] Вашей земли ненавидит тебя, по внушению бога?
Мы же не ведаем; может случиться легко, что и сам он
Их, возвратясь, погубит, один ли, созвав ли ахейн...
О, когда б возлюбить светлоокая дева Паллада
Так же могла и тебя, как она Одиссея любила
[220] В крае троянском, где много мы бед претерпели, ахейцы!
Нет, никогда не бывали столь боги в любви откровенны,
Сколь откровенна была с Одиссеем Паллада Афина!
Если бы ею с такою ж любовью и ты был присвоен,
Самая память о браке во многих из них бы пропала».

[225] Нестору так отвечал рассудительный сын Одиссеев:
«Старец, несбыточно, думаю, слово твое; о великом
Ты говоришь, и ужасно мне слушать тебя; не случится
То никогда ни по просьбе моей, ни по воле бессмертных».

Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
[230] «Странное слово из уст у тебя, Телемах, излетело;
Богу легко защитить нас и издали, если захочет;
Я ж согласился б скорее и бедствия встретить, чтоб только
Сладостный день возвращения увидеть, чем,
бедствий избегнув,
В дом возвратиться, чтоб пасть пред своим очагом,
как великий

[235] Пал Агамемнон предательством хитрой жены и Эгиста.
Но и богам невозможно от общего смертного часа
Милого им человека избавить, когда он уж предан
В руки навек усыпляющей смерти судьбиною будет».

Так отвечал рассудительный сын Одиссеев богине:
[240] «Ментор, не станем о том говорить мы,
хотя и крушит нам
Сердце оно; уж его возвращения мы не увидим:
Черную участь и смерть для него приготовили боги.
Я же теперь, о ином вопрошая, хочу обратиться
К Нестору – правдой и мудростью всех он людей превосходит;

[245] Был, говорят, он царем, повелителем трех поколений,
Образом светлым своим он бессмертному богу подобен —
Сын Нелеев, скажи,
ничего от меня не скрывая,
Как умерщвлен был Атрид Агамемнон пространнодержавный?
Где Менелай находился? Какое губящее средство

[250] Хитрый Эгист изобрел, чтоб удобнее сладить
с сильнейшим?

Иль, не достигнув Аргоса, еще меж чужими людьми он

Был и врага своего тем отважил на злое убийство?» —

«Друг, — Телемаху отвечивал Нестор, герой геренейский, —

Все расскажу откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;

[255] Подлинно так все случилось, как думаешь сам ты;
но если б

В братнем жилище Эгиста живого застал, возвращаясь

В дом свой из брани троянской, Атрид Менелай златовласый,

Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,

Хищные птицы и псы бы его растерзали, без чести

[260] В поле далеко за градом Аргосом лежащего, жены

Наши его б не оплакали — страшное дело свершил он.

Тою порою, как билися мы на полях илионских,

Он в безопасном углу многоконного града Аргоса

Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой.

[265] Прежде самой Клитемнестре божественной было
противно

Дело постыдное — мыслей порочных она не имела;

Был же при ней песнопевец, которому царь Агамемнон,

В Трою готовясь плыть, наблюдать повелел за супругой;

Но, как скоро судьбина ее предала преступлению,

[270] Тот песнопевец был сослан Эгистом на остров
бесплодный,

Где и оставлен: и хищные птицы его растерзали.

Он же ее, одного с ним желавшую, в дом пригласил свой;

Множество бедр на святых алтарях он сожег пред богами,

Множеством вкладов, и золотом и тканями, храмы украсил,

[275] Дерзкое дело такое с неожиданным окончив успехом.

Мы же, покинувши землю троянскую, поплыли вместе,

Я и Атрид Менелай, сопряженные дружбою тесной.

Были уж мы пред священным Сунионом, мысом Аттийским;

Вдруг Менелаева кормщика Феб Аполлон невидимо

[280] Тихой своею стрелой умертвил: управляя бегущим

Судном, кормило держал многоопытной твердой рукою

Фронтис, Онеторов сын, наиболее из всех земнородных

Тайну проникший владеть кораблем в наступившую бурю.

Путь свой замедлил, хотя и спешил, Менелай, чтоб на бреге

[285] Честь погребения другу воздать с торжеством
надлежащим;

Но когда на своих кораблях крутобоких опять он

В темное море пошел и высокого мыса Малей

Быстро достиг — повсеместно гремящий Кронион, замыслив

Гибель, нагнал на него многошумное ветра дыханье,

[290] Поднял могучие, тяжкие, гороогромные волны.

Вдруг корабли разлучив, половину их бросил он к Криту,

Где обитают кидоны у светлых потоков Ярдаана.

Виден там гладкий утес, восходящий над влагой соленой,

В темное море вдвигаясь на крайних пределах Гортины;
[295] Там, где великие волны на западный берег у Феста
Нот нагоняет и малый утес их дробит, отшибая,
Те корабли очутились; проворством спаслися от смерти
Люди; суда ж их погибли, разбившись об острые камни.
Пять остальных кораблей темноносых, похищенных бурей,
[300] Ветер могучий и волны ко берегу Египта примчали.
Там Менелай, собирая сокровищ и золота много,
Странствовал между народов иного языка, и в то же
Время Эгист совершил незаконное дело в Аргосе,
Смерти предавши Атрида, – народ покорился безмолвно.
[305] Целые семь лет он властвовал в златообильной Микене;
Но на осьмой из Афин возвратился ему на погибель
Богopodobный Орест; и убийцу сразил он, которым
Был умерщвлен злоковарно его многославный родитель.
Пир учредив для аргивян великий, свершил погребенье
[310] Он и преступнице матери вместе с Эгистом презренным.
В самый тот день и Атрид Менелай, вызыватель в сраженье,
Прибыл, богатства собрав, сколь могло в кораблях уместиться.
Ты же недолго, мой сын, в отдаленье от родины странствуй,
Дом и наследье отца благородного бросив на жертву
[315] Дерзких грабителей, жрущих твое беспощадно; расхитят
Все, и без пользы останется путь, совершенный тобою.
Но Менелая Атрида (советую, требую) должен
Ты посетить; он недавно в отечество прибыл из чуждых
Стран, от людей, от которых никто, занесенный однажды
[320] К ним по широкому морю стремительным ветром,
не мог бы
Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может
Быстрая птица, – столь страшно великой пучины
пространство.
Ты же поедешь отсюда иль морем со всеми своими,
Или, когда пожелаешь, землю: коней с колесницей
[325] Дам я, и сына с тобою пошлю, чтоб тебе указал он
Путь в Лакедемон божественный, где Менелай златовласый
Царствует; можешь ты сам обо всем расспросить Менелая;
Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим».
Кончил. Тем временем солнце померкло и тьма наступила.
[330] К Нестору слово свое обративши, сказала Афина:
«Старец, твои рассудительны речи, но медлить не станем;
Должно отрезать теперь языки, и царю Посейдону
Купно с другими богами вином сотворить возлиянье;
Время подумать о ложе покойном и сне миротворном;
[335] День на закате угас, и уж боле не будет прилично
Здесь нам сидеть за трапезой богов; удалиться пора нам».
Так говорила богиня; почтительно все ей внимали.
Тут для умывания рук им служители подали воду;
Отроки, светлым кратеры до края наполнив напитком,
[340] В чашах его разнесли, по обычаю справа начавши;

Бросив в огонь языки, сотворили они возлиянье,
Стоя; когда ж сотворили его и вином насладились,
Сколько желала душа, Телемах благородный с Афиной
Стали к ночлегу на свой быстроходный корабль собираться.
[345] Нестор, гостей удержавши, сказал: «Да отнюдь
не позволят
Вечный Зевес и другие бессмертные боги, чтоб ныне
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль быстроходный!
Разве одежд не найдется у нас? Неужели я нищий?
Будто уж в доме моем ни покровов, ни мягких постелей
[350] Нет, чтоб и сам я и гости мои насладились покойным
Сном? Но покровов и мягких постелей найдется довольно.
Можно ль, чтоб сын столь великого мужа, чтоб сын Одиссеев
Выбрал себе корабельную палубу спальней, пока я
Жив и мои сыновья обитают со мной под одною
[355] Кровлей, чтоб всех, кто пожалует к нам,
угощать дружелюбно?
Дочь светлоокая Зевса Афина ему отвечала:
«Умное слово сказал ты, возлюбленный старец, и должен
Волю исполнить твою Телемах: то, конечно, приличней.
Здесь я оставлю его, чтоб покойно под кровлей твоею
[360] Ночь он провел. Самому ж мне на черный корабль
возвратиться
Должно, чтоб наших людей ободрить и о многом сказать им:
Я из спутников наших старейший годами; они же
(Все молодые, ровесники все Телемаху) по доброй
Воле, из дружбы его в корабле проводить согласились;
[365] Вот для чего и хочу я на черный корабль возвратиться.
Завтра ж с зарею пойти мне к народу отважных кавконов
Нужно, чтоб там заплатили мне люди старинный, немалый
Долг. Телемаха же, после того как у вас погостит он,
С сыном своим в колеснице отправь ты, коней повелевши
[370] Дать им проворнейших в беге и силою самых отличных».
Так им сказав, светлоокая Зевсова дочь удалилась,
Быстрым орлом улетев; изумился народ; изумился,
Чудо такое своими глазами увидевши, Нестор.
За руку взяв Телемаха, ему дружелюбно сказал он:
[375] «Друг, ты, конечно, и сердцем не робок и силою крепок,
Если тебе, молодому, так явно сопутствуют боги.
Здесь из бессмертных, живущих в обителях светлых Олимпа,
Был не иной кто, как Диева славная дочь Тритогена,
Столь и отца твоего отличавшая в сонме аргивян.
[380] Будь благосклонна, богиня, и к нам и великую славу
Дай мне, и детям моим, и супруге моей благонравной;
Я же телицу тебе однолетнюю, лбистую, в поле
Вольно бродящую, с игом еще незнакомую, в жертву
Здесь принесу, ей рога изукрасивши золотом чистым».
[385] Так говорил он, молясь; и Палладю был он услышан.
Кончив, пошел впереди сыновей и зятьев благородных

В дом свой богато украшенный Нестор, герой геренейский;
С Нестором в царский богато украшенный дом и другие
Также вступили и сели порядком на креслах и стульях.
[390] Старец тогда для собравшихся кубок наполнил до края
Светлым вином, чрез одиннадцать лет из амфоры налитым
Ключницей, снявшей впервые с заветной амфоры той кровлю.
Им он из кубка свое сотворил возлиянье великой
Дочери Зевса эгидодержавца; когда ж и другие
[395] Все, сотворив возлиянье, вином насладились довольно,
Каждый к себе возвратился, о ложе и сне помышляя.
Гостю желая спокойствия, Нестор, герой геренейский,
Сам Телемаху, разумному сыну царя Одиссея,
В звонко-пространном покое кровать указал прорезную;
[400] Лег близ него Писистрат, копьевержец,
мужей предводитель,
Бывший из братьев один неженатый в жилище отцовом.
Сам же, во внутренний царского дома покой удаляся,
Лег на постели, перестланной мягко царицею, Нестор.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
[405] С мягкой поднялся постели и Нестор, герой геренейский,
Вышед из спальни, он сел на обтесанных, гладких, широких
Камнях, у двери высокой служивших седалищем, белых,
Ярко сиявших, как будто помазанных маслом, на них же
Прежде Нелей восседал, многоумием богу подобный;
[410] Но уж давно уведен был судьбой в обитель Аида.
Ныне ж на камнях Нелеевых Нестор воссел, скиptronосный
Пестун ахейн. К нему сыновья собралися, из спален
Вышед: Ехефрон, Персей, Стратион, и Аретос, и юный
Богу подобный красой Фрасимед; наконец и шестой к ним,
[415] Младший из братьев пришел, Писистрат благородный.
И рядом
С Нестором сесть приглашен был возлюбленный
сын Одиссеев.
Речь обратил тут к собравшимся Нестор, герой геренейский:
«Милые дети, мое повеленье исполнить спешите:
Паче других преклонить я желаю на милость Афины,
[420] Видимо, бывшую с нами на празднике бога великом.
В поле один за телицей беги, чтоб немедленно с поля
Выгнал ее к нам пастух, за стадами смотрящий; другой же
Должен на черный корабль Телемахов пойти и позвать к нам
Всех мореходных людей, там оставя лишь двух; напоследок
[425] Третьим пусть будет немедленно златоискусник
Лаэркос
Призван, чтоб золотом чистым рога изукрасить телице.
Прочие ж все оставайтесь при мне, повелевши рабьям
В доме устроить обед изобильный, расставить порядком
Стулья, дрова приготовить и светлой воды принести нам».
[430] Так он сказал; все заботиться начали: с поля телицу
Скоро пригнали; пришли с корабля Телемаховы люди,

С ним переплывшие море; явился и златоискусник,
Нужный дляковки металлов принесши снаряд: наковальню,
Молот, клещи драгоценной отделки и все, чем обычно
[435] Дело свое совершал он; пришла и богиня Афина
Жертву принять. Тут художнику Нестор, коней обуздатель,
Золота чистого дал; оковал им рога он телицы,
Тщася усердно, чтоб жертвенный дар был угоден богине.
Взяли телицу тогда за рога Стратион и Ехефрон;
[440] Воду им руки умыть в обложенной цветами лохани
Вынес из дома Аретос, в другой же руке он с ячменем
Короб держал; подошел Фрасимед, ратоборец могучий,
С острым в руке топором, поразить изготовясь жертву;
Чашу подставил Персей. Тут Нестор, коней обуздатель,
[445] Руки умывши, ячменем телицу осыпал и, бросив
Шерсти с ее головы на огонь, помолился Афине;
Следом за ним и другие с молитвой телицу ячменем
Так же осыпали. Несторов сын, Фрасимед многосильный,
Мышцы напрягши, ударил, и, в шею глубоко вонзенный,
[450] Жилы топор пересек; повалилась телица; вскричали
Дочери все, и невестки царевы, и с ними царица,
Кроткая сердцем, Клименова старшая дочь Евридика.
Те же телицу, приникшую к лону земли путеносной,
Подняли – разом зарезал ее Писистрат благородный.
[455] После, когда истощилась черная кровь и не стало
Жизни в костях, разложивши на части ее, отделили
Бедра и сверху их (дважды обвивши, как следует, кости
Жиром) кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
Нестор зажег на костре и вином оросил искрометным;
[460] Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями.
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
Всё разрубили на части и стали на вертелах жарить,
Острые вертелы тихо в руках над огнем обращая.
Тою порой Телемах Поликастою, дочерью младшей
[465] Нестора, был отведен для омытия в баню; когда же
Дева его и омыла и чистым натерла елеем,
Легкий надевши хитон и богатой облекшись хламидой,
Вышел из бани он, богу лицом лучезарным подобный;
Место он занял близ Нестора, пастыря многих народов.
[470] Те же, изжарив и с вертелов снявши хребтовое мясо,
Сели за вкусный обед, и заботливо начали слуги
Бегать, вино наливая в сосуды златые; когда же
Был удовлетворен голод их сладким питьем и едою,
Нестор, герой геренейский, сказал сыновьям благородным:
[475] «Дети, коней густогривых запрячь в колесницу немедленно.
Должно, чтоб мог Телемах по желанию в путь устремиться».
То повеление царское было исполнено скоро;
Двух густогривых коней запрягли в колесницу; в нее же
Ключница хлеб и вино на запас положила, с различной
[480] Пищей, какая царям лишь, питомцам Зевеса, прилична.

Тут в колесницу блестящую стал Телемах благородный;
Рядом с ним Несторов сын Писистрат, предводитель народов,
Стал; натянувши могучей рукою бразды, он ударил
Сильным бичом по коням, и помчались быстрые кони
[485] Полею, и Пилос блистательный скоро исчез позади их.
Целый день мчались кони, трясая колесничное дышло.
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.
Путники прибыли в Феру, где сын Ортилоха, Алфеем
Светлым рожденного, дом свой имел Диоклес благородный;
[490] Дав у себя им ночлег, Диоклес угостил их радушно.
Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
Путники, снова в свою колесницу блестящую ставши,
Быстро на ней со двора через портик помчались звонкий,
Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.
[495] Пышных равнин, изобильных пшеницей, достигнув,
они там
Кончили путь, совершенный конями могучими быстро;
Солнце тем временем село, и все потемнели дороги.

Песнь четвертая

В царственный град Лакедемон, холмами объятый, прибывши,
К дому царя Менелая Атрида они обратились.

Пир он богатый давал многочисленным сродникам, свадьбу
Сына и дочери милых празднуя в царском жилище.

К сыну губителя ратей Пелида свою посылал он

[5] Дочь, уж давно с ним в троянской земле договор
заключивши

Выдать ее за него, и теперь сочетали их боги;

Много ей дав колесниц и коней, молодую невесту

В град мирмидонский, где царствовал светлый жених,
снарядил он.

[10] В Спарте же дочь он Алектора выбрал невестой для сына,

Крепкого силой, прижитого им с молодою рабыней

В поздних годах, Мегапента. Елене ж детей не хотели

Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилась

Дочь Гермiona, подобная дивной красой Афродите.

[15] Шумно пируя в богато украшенных царских палатах,

Сродники все и друзья Менелая, великого славой,

Полны веселия были; на лире певец вдохновенный

Громко звучал перед ними, и два прыгуна, соглашая

С звонкою лирой прыжки, посреди их проворно скакали.

[20] Тою порой Телемах благородный с младым Писистратом,

К царскому дому прибыв, на дворе из своей колесницы

Вышли; им встретился прежде других Этеон многотимый,

Спальник проворный царя Менелая, великого славой.

С вестью о них по дворцу побежал он к владыке Атриду;

[25] Близко к нему подошедши, он бросил крылатое слово:

«Царь Менелай, благородный питомец Зевеса, два гостя

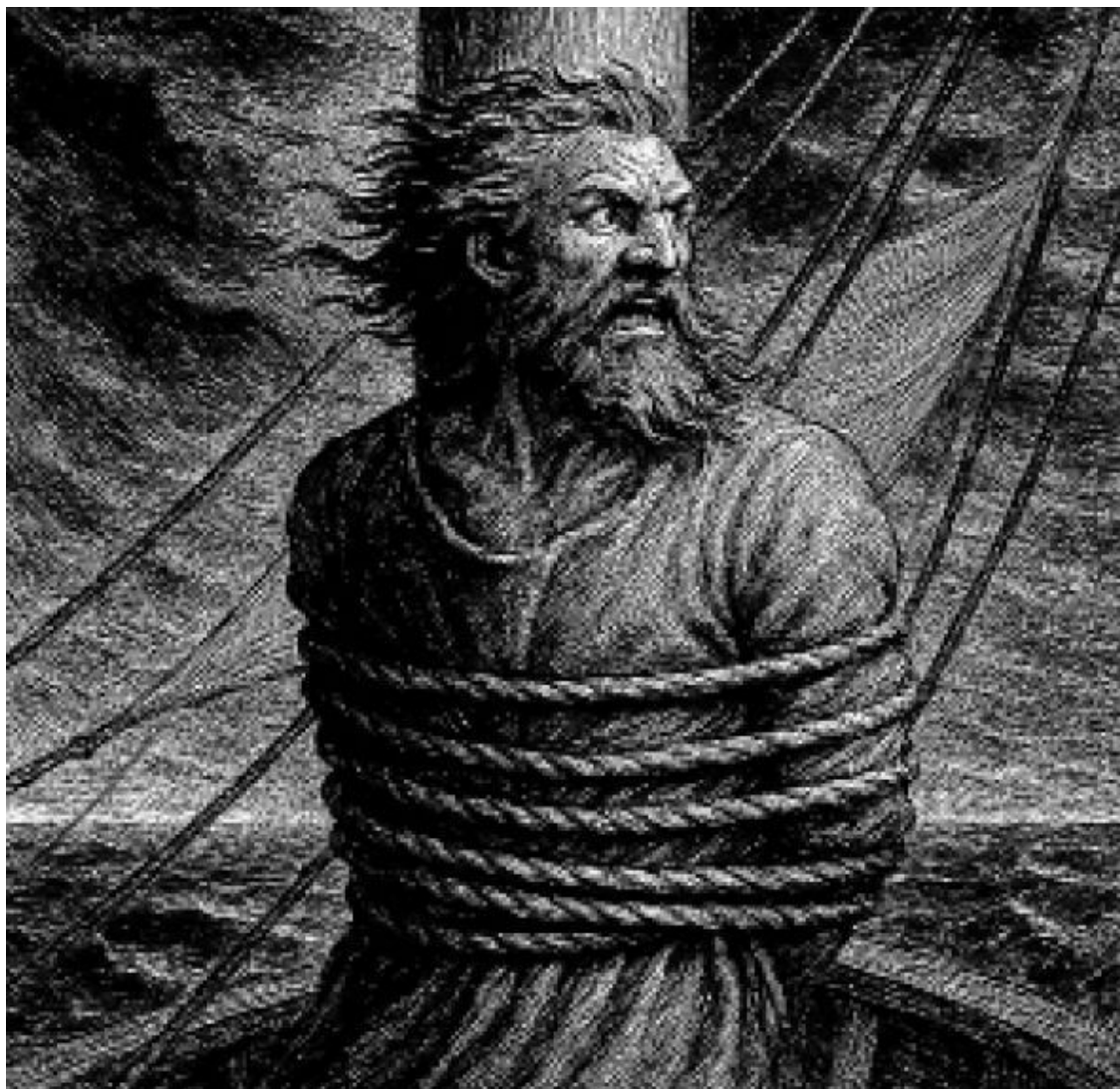
Прибыли, два иноземца, конечно из племени Дия.

Что повелишь нам? Отпрячь ли их быстрых коней? Отказать ли
Им, чтоб они у других для себя угощенья искали?»

[30] С гневом великим ему отвечал Менелай златовласый:

«Ты, Этеон, сын Воэфов, еще никогда малоумен

Не был, теперь же бессмысленно стал говорить, как младенец;

Сами не раз испытав гостелюбие в странствии нашем,
Мы напоследок покоимся дома, и Дий да положит
[35] Бедствиям нашим конец. Отпрягите коней их; самих же
Странников к нам пригласить на семейственный пир
наш обоих».

Так говорил Менелай. Этеон побежал, за собою
Следовать многим из царских проворных рабов повелевши.
Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили;
[40] К яслям в царевой конюшне голодных коней привязали;
В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячменем;
К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.
Странники были в высокий дворец введены; озираясь,
Дому любезного Зевсу царя удивлялися оба:
[45] Все лучезарно, как на небе светлое солнце иль месяц,
Было в палатах царя Менелая, великого славой.
Очи свои, наконец, удовольствовав сладостным зреньем,
Начали в гладких купальнях они омываться; когда же
Их омыла и чистым елеем натерла рабыня,
[50] В тонких хитонах, облекшись в косматые мантии, оба

Рядом они с Менелаем властителем сели на стульях.
Тут поднесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
[55] Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного крайчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил.
Сделав рукою приветствие, светлый сказал им хозяин:
[60] «Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; когда же
Свой утолите вы голод, спрошу я, какие вы люди?
В вас не увяла, я вижу, порода родителей ваших;
Оба, конечно, вы дети царей, порожденных Зевесом,
Скиптродержавных; подобные вам не от низких родятся».
[65] Тут он им подал бычатины жареной кус, из почетной
Собственной части его отделивши своею рукою.
Подняли руки они к предложенной им пище и голод
Свой утолили роскошной едой и питьем изобильным.
Голову к спутнику тут приклонив, чтоб подслушать другие
[70] Речи его не могли, прошептал Телемах осторожно:
«Нестеров сын, мой возлюбленный друг, Писистрат лагородный,
Видишь, как много здесь меди сияющей в звонких покаях;
Блещет все золотом, серебром, янтарями, слоновою костью;
Зевс лишь один на Олимпе имеет такую обитель;
[75] Что за богатство! Как много всего! С изумленьем смотрю я».
Вслушался в тихую речь Телемаха Атрид златовласый;
Голос возвысив, обоим он бросил крылатое слово:
«Дети, нам, смертным, не можно равняться с владыкою Зевсом,
Ибо и дом и сокровища Зевса, как сам он, нетленны;
[80] Люди ж иные поспорят богатством со мной, а иные
Нет; претерпевши немало, немало скитавшись, добра я
Много привез в кораблях, возвратясь на осьмой год в отчизну.
Видел я Кипр, посетил финикиян, достигнув Египта,
К черным проник эфиопам, гостил у сидонян, эрембов;
[85] В Ливии был, наконец, где рогатыми агнцы родятся,
Где ежегодно три раза и козы и овцы кидают;
В той стороне и полей господин и пастух недостатка
В сыре и мясе и жирно-густом молоке не имеют;
Круглый там год изобильно бывают доимы коровы.
[90] Той же порой, как в далеких землях я, собирая богатства,
Странствовал, милый в отечестве брат мой погиб от убийцы
Тайно, никем не предвиденно, хитрым предательством
женским.
С тех пор и все уж мои мне сокровища стали постылы.
Но об этом, кто б ни были вы, уж, конечно, отцы вам
[95] Все рассказали... О, горестно было мне зреть истребленье
Дома, столь светлого прежде, столь славного многим
богатством!
Рад бы остаться я с третью того, чем владею, лишь только б

Были те мужи на свете, которые в Трое пространной
Кончили жизнь, далеко от Аргоса, питателя коней.
[100] Часто, их всех поминая, об них сокрушаясь и плача,
Здесь я сию одиноко под кровлей домашней; порою
Горем о них услаждаю я сердце, порой забываю
Горе, понеже нас скоро холодная скорбь утомляет.
Но сколь ни сетую в сердце своем я, их всех поминая,
[105] Мысль об одном наиболее губит мой сон и лишает
Пищи меня, поелику никто из ахейн столь много
Бедствий не встретил, как царь Одиссей; на труды и печали
Был он рожден; на мою же досталось часть сокрушаться,
Видя, как долго отсутствие длится его; мы не знаем,
[110] Жив ли он, умер ли; плачет о нем безутешный родитель
Старец Лаэрт, с Пенелопой разумной, с младым Телемахом,
Бывшим еще в пеленах при его удаленье из дома».
Так он сказав, неумышленно скорбь пробудил в Телемахе.
Крупная пала с ресницы сыновней слеза при отцовом
[115] Имени; в обе схвативши пурпурную мантию руки,
Ею глаза он закрыл; то увидя, Атрид догадался;
Долго, рассудком и сердцем колеблясь, не знал он, что делать:
Ждать ли, чтоб сам говорить о родителе юноша начал,
Или вопросами вывести все от него понемногу?
[120] Тою порой, как рассудком и сердцем колеблясь, молчал он,
К ним из своих благовонных, высоких покоев Елена
Вышла, подобная светлой с копьем золотым Артемиде.
Кресла богатой работы подвинула сесть ей Адреста;
Мягкий ковер шерстяной положила ей в ноги Алкиппа;
[125] Фило пришла с драгоценной корзиной серебряной, даром
Умной Алькандры, супруги Полиба, в египетских Фивах
Жившего, много сокровищ имея в обители пышной.
Две сребролитные дал он Атриду купальни и с ними
Два троеножных сосуда и золотом десять талантов;
[130] Также царице Елене супруга его подарила
Прялку златую с корзиной овальной; была та корзина
Вся из серебра, но края золотые; и эту корзину
Фило, пришедши, поставила подле царицы Елены,
Полную пряжи сученой; на ней же лежала и прялка
[135] С шерстью волнистой пурпурного цвета. На креслах Елена
Села, прекрасные ноги свои на скамью протянувши.
Сев, с любопытством она у царя Менелая спросила:
«Мог ли узнать ты, Атрид благородный, питомец Зевеса,
Кто иноземные гости, наш дом посетившие ныне?
[140] Я же скажу – справедливо ли, нет ли, не знаю, – но сердце
Нудит сказать, что еще никогда (с изумленьем смотрю я)
Мне ни в жене не случалось, ни в муже подобного встретить
Сходства, какое наш гость с Телемахом, царя Одиссея
Сыном, имеет; младенцем его Одиссей благородный
[145] Дома оставил, когда за меня, недостойную, все вы,
Мужи ахейские, в Трою пошли истребительной ратью».

Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
«Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справедливым.
Дивное сходство! Такие же ноги, такие же руки,
[150] То же в глазах выражение, та ж голова и такие ж
Кудри густые на ней; а когда, помянув Одиссея,
Стал говорить я о бедствиях, им за меня претерпенных,
Пала с ресницы его, я заметил, слеза, и, схвативши
В обе пурпурную мантию руки, он ею закрылся».
[155] Тут Писистрат благородный сказал Менелаю Атриду:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Спутник мой подлинно сын Одиссеев, как думаешь сам ты;
Но, осторожный и скромный, он мнит, что ему неприлично,
Вас посетивши впервые, себя выставять в разговоре
[160] Смелом с тобою, пленящим всех нас божественной речью.
Старец, родитель мой, Нестор его повелел в Лакедемон
Мне проводить; у тебя ж он затем, чтоб ему благосклонно
Дать наставление ты соизволил: что делать? Немало
Горя бывает в родительском доме для сына, когда он
[165] Розно с отцом, не имея друзей, сиротствует, как ныне
Сын Одиссеев: отец благородный далеко; в народе ж
Нет никого, кто б ему от гонений помог защититься».
Царь Менелай, отвечая, сказал Писистрату младому:
«Боги! Так подлинно сын несказанно мне милого друга,
[170] Столько тревог за меня претерпевшего, дом посетил мой.
Я ж самого Одиссея отличнее прочих ахейн
Встретить надеждой ласкался, когда б в кораблях
быстроходных
Путь нам домой по волнам отворил громовержец Кронион;
Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища;
[175] Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном,
С целым народом; и область для них бы очистил, моими
Близко людьми населенную, мой признающую скипетр;
Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы
Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого
[180] Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти.
Но столь великого блага нам дать не хотел непреклонный
Бог, запретивший ему, несчастливцу, возврат возжеланный».
Так говоря, неумышленно всех Менелай опечалил;
Громко Елена Аргивская, Диева дочь, зарыдала;
[185] Сын Одиссеев заплакал, и с ними Атрид прослезился;
Плача не мог удержать и молодой Писистрат: он о брате
Вспомнил, о брате своем Антилохе прекрасном, который
Был умерщвлен лучезарной Денницы возлюбленным сыном.
Вспомнив о брате, Атриду он бросил крылатое слово:
[190] «Подлинно, царь Менелай, ты разумнее всех земнородных.
Так говорит и отец престарелый наш Нестор, когда мы
Дома в семейных беседах своих о тебе вспоминаем.
Ныне ж послушайся, царь многоумный, меня; не люблю я
Слез за вечерней трапезою – скоро подымется Эос,

[195] В раннем тумане рожденная. Мне же отнюдь не противен
Плач о возлюбленных мертвых, постигнутых общей судьбиной;
Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почесть:
Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле.
Брата утратил и я; не последний меж бранных аргивян
[200] Был он; его ты, конечно, видал; а со мной никогда здесь
Он не встречался; его я не знал; но от всех был отличен,
Слышали мы, он и легкостью ног и отважностью в битвах».
Царь Менелай златовласый отвечал так Писистрату:
«Друг, основательно то, что сказал ты; один лишь разумный
[205] Муж и годами старейший тебя говорить так способен.
Вижу из слов я твоих, что отца своего ты достойный
Сын; без труда познается порода мужей, для которых
Счастье и в браке и в племени их уготовал Кронион;
Так постоянно и Нестору он золотые свивает
[210] Годы, чтоб весело в доме своем он старел, окруженный
Бодрой семьей сыновей, и разумных, и с копьями первых.
Мы же, печаль отложив и отерши пролитые слезы,
Снова начнем пировать; для умывтия рук подадут нам
Светлой воды, а наутро опять разговор с Телемахом
[215] Я заведу, и окончим мы завтра начатое ныне».
Так он сказал, и умыться им подал воды Асфалион,
Спальник проворный царя Менелая, великого славой.
Подняли руки они к предложенной им лакомой пище.
Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
[220] В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
[225] Если б нечаянно брата лишился иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
[230] Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем глубоким
Прочих людей, поелику там все из Пеанова рода.
Соку в вино подмешав и вино разнести повелевши,
Стала царица Елена беседовать снова с гостями:
[235] «Царь Менелай благородный, питомец Зевеса, и все вы,
Дети отцов знаменитых, различное людям различным,
Злое и доброе, Дий посылает, все Дию возможно.
Радуйтесь ныне, сидя за трапезой вечерней и сладким
Сердце свое веселя разговором; а я о бывалом
[240] Вам расскажу – хоть всего рассказать и припомнить
нельзя мне, —
Как Одиссей, непреклонный в бедах, подвизался, и что он,
Дерзко-решительный муж, наконец, предпринял и исполнил

В крае троянском, где много вы бед претерпели, ахейцы.
Тело свое беспощадно иссекши бичом недостойным,
[245] Рубищем бедным покрывши плеча, как невольник,
вошел он
В полный сияющих улиц народа враждебного город;
Образ принявши чужой, он в разодранном платье казался
Нищим, каким никогда меж ахейян его не видали.
Так посреди он троян укрывался; без смысла, как дети,
[250] Были они; я одна догадалась, кто он; вопросы
Стала ему предлагать я- он хитро от них уклонился;
Но когда, и омывши его и натерши елеем,
Платье на плечи ему возложила я с клятвой великой
Тайны его никому не открыть в Илионе враждебном
[255] Прежде его возвращения в стан к кораблям крутобоким,
Все мне о замысле хитром ахейян тогда рассказал он.
Многих троян длинноострою медью меча умертвивши,
Выведал в городе все он и в стан невредим возвратился.
Многие вдовы троянские громко рыдали, в моем же
[260] Сердце веселие было: давно уж стремилось в родную
Землю оно, и давно я скорбела, виной Афродиты
Вольно ушедшая в Трою из милого края отчизны,
Где я покинула брачное ложе, и дочь, и супруга,
Столь одаренного светлым умом и лица красотою».
[265] Царь Менелай отвечал благородной царице Елене:
«Истинно то, что, жена, рассказала ты нам о бывалом;
Случай имел я узнать помышленья, поступки и нравы
Многих людей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,
[270] Твердому в бедствиях мужу, подобный,
еще не встречался.
Вот что, могучий, он там, наконец, предпринял и исполнил,
В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготовив;
К нам ты тогда подошла – по внушению злему, конечно,
[275] Демона, дать замышлявшего славу враждебным
троянам, —
Вслед за тобою туда же пришел Деифоб благородный;
Трижды громаду ты с ним обошла и, отвсяду ощупав
Ребра ее, начала вызывать поименно аргивян,
Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.
[280] Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем, сокрытым
В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,
[285] В чреве коня притаясь, глубоко молчали ахейцы.
Только один Антиклес на призыв твой подать порывался
Голос; но царь Одиссей, многосильной рукою зажавши
Рот безрассудному, тем от погибели всех нас избавил;

С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины».

[290] Тут Менелаю сказал рассудительный сын Одиссеев:
«Царь благородный Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Вдвое прискорбней, что он не избег от губящего рока;
Было ли в пользу ему, что имел он железное сердце?..
Время, однако, уж нам о постелях подумать, чтоб, сладко
[295] В сон погрузившись, на них успокоить усталые члены».

Так он сказал, и Елена велела немедля рабыням
В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.

[300] Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай;
В сенях легли на постелях и скоро покойно заснули
Сын Одиссеев и спутник его Писистрат благородный.
Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид златовласый,

[305] Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Ложу покинул и царь Менелай, вызыватель в сраженьи;
Платье надев, изощренный свой меч на плечо он повесил;
После, подошвы красивые к светлым ногам привязавши,

[310] Вышел из спальни, лицом лучезарному богу подобный.
Сев к Телемаху, его он поздравствовал; после спросил он:
«Что побудило тебя по хребту беспредельного моря
В царственный град Лакедемон прибыть,
Телемах благородный?
Нужда какая? Своя иль народная? Правду скажи мне».

[315] Сын Одиссеев возлюбленный так отвечал Менелаю:
«Царь многославный, Атрид, богоизбранный пастырь народов,
Здесь я затем, чтоб узнать от тебя о судьбе Одиссея.
Гибнет мое достоянье, мои разоряются земли,
Дом мой во власти грабителей жадных, безжалостно бьющих

[320] Мелкий наш скот и быков криворогих и медленноходных;
Мать Пенелопу они сватовством неотступным терзают.
Я же колена твои обнимаю, чтоб ты благосклонно
Участь отца моего мне открыл, объявив, что своими
Видел глазами иль что от какого случайно услышал

[325] Странника. Матерью был он рожден на беды и на горе.
Ты же, меня не щадя и из жалости слов не смягчая,
Все Расскажи мне подробно, чему ты был сам очевидец.
Если же чем для тебя мой отец Одиссей благородный,
Словом ли, делом ли, мог быть полезен в те дни, как с тобою

[330] В Трое он был, где столь много вы бед претерпели,
ахейцы,
Вспомни об этом теперь и поистине все Расскажи мне».

С гневом великим воскликнул Атрид Менелай златовласый:
«О, безрассудные! Мужа могучего брачное ложе,
Сами бессильные, мыслят они захватить произвольно!

[335] Если бы в темном лесу у великого льва в логовище

Лань однодневных, сосущих птенцов положила, сама же
Стала б по горным лесам, по глубоким, травой обильным
Долам бродить и обратно бы лев прибежал в логовище —
Разом бы страшная участь птенцов беспомощных постигла;
[340] Страшная участь постигнет и их от руки Одиссея.
Если б, — о Дий громовержец! о Феб Аполлон! о Афина! —
В виде таком, как в Лесбосе, обильно людьми населенном,
Где, с силачом Филомиледом выступив в бой рукопашный,
Он опрокинул врага на великую радость ахейцам, —
[345] Если бы в виде таком женихам Одиссей вдруг явился,
Сделался б брак им, судьбой неизбежной постигнутым, горек.
То же, о чем ты, меня вопрошая, услышать желаешь,
Я расскажу откровенно, и мною обманут не будешь;
Что самому возвестил мне морской проницательный старец,
[350] То и тебе я открою, чтоб мог ты всю истину ведать.
Все еще боги в отечество милое мне из Египта
Путь заграждали: обещанной я не свершил гекатомбы;
Боги же требуют строго, чтоб были мы верны обетам.
На море шумно-широком находится остров, лежащий
[355] Против Египта; его именуют там жители Фарос;
Он от берегов на таком расстоянии, какое удобно
В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою.
[360] Двадцать там дней я промедлил по воле богов, и ни разу
С берега мне не подул благосклонный отплытию ветер,
Спутник желанный пловцам по хребту многоводного моря.
Мы уж истратили все путевые запасы и люди
Бодрость теряли, как, сжалась над нами, спасла нас богиня,
[365] Хитрого старца морского цветущая дочь Эйдофея.
Сердцем она преклонила ко мне, повстречавшись со мною,
Шедшим печально стезей одинокой, товарищей бросив:
Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Острогобенными крючьями удили — голод терзал их.
[370] С ласковым видом ко мне подошедши, сказала богиня:
«Что же ты, странник? Дитя ль неразумное? Сердцем ли робок?
Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим веселишься
Горем, что долго так медлишь на острове нашем, не зная,
Что предпринять, и спутников всех повергая в унылость?»
[375] Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
«Кто б ни была ты, богиня, всю правду тебе я открою:
Нехотя здесь я в бездействии медлю; быть может, нанес я
Чем оскорбление богам, беспредельного неба владыкам.
Ты же скажи мне (всё ведать должны вы, могучие боги),
[380] Кто из бессмертных, меня оковав, запретил
мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»
Так спросил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;

Здесь пребывает издавна морской проницательный старец,
[385] Равный бессмертным Протей, египтянин,
изведавший моря
Все глубины и царя Посейдона державе подвластный;
Он, говорят, мой отец, от которого я родилась.
Если б какое ты средство нашел овладеть им внезапно,
Все б он открыл: и дорогу, и долог ли путь, и успешно ль
[390] Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?
Если ж захочешь, божественный, скажет тебе и о том он,
Что у тебя и худого и доброго дома случилось
С тех пор, как странствуешь ты по морям
бесприютно-пустынным».

Так говорила богиня, и так, отвечая, сказал я:
[395] «Нас ты сама научи овладеть хитромысленным старцем
Так, чтоб не мог наперед он намеренье наше проникнуть:
Трудно весьма одолеть человеку могучего бога».

Так говорил я, и так, отвечая, сказала богиня:
«Все объявлю откровенно, чтоб мог ты всю истину ведать;
[400] Здесь ежедневно, лишь Гелиос неба пройдет половину,
В веянье ветра, с великим волнением темная влага,
Вод глубину покидает морской проницательный старец;
Вышед из волн, отдыхать он ложится в пещере глубокой;
Вкруг тюлени хвостонogie, дети младой Алосидны,
[405] Стаей ложатся, и спят, и, покрытые тиной соленой,
Смрад отвратительный моря на всю разливают окрестность.
Только что явится Эос, я место найду, где удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; но товарищам сильным
Трем повели за собою прийти с кораблей крутобоких.
[410] Я же тебе расскажу о волшебствах коварного старца:
Прежде всего тюленей он считать и осматривать станет;
Их осмотрев и сочтя по пяти, напоследок и сам он
Ляжет меж ними, как пастырь меж стада, и в сон погрузится.
Вы же, увидя, что лег и что в сон погрузился он, силы
[415] Все соберите и им овладейте; жестоко начнет он
Биться и рваться – из рук вы его не пускайте; тогда он
Разные виды начнет принимать и являться вам станет
Всем, что ползет по земле, и водою, и пламенем жгучим;
Вы ж, не робея, тем крепче его, тем сильнее держите.
[420] Но, как скоро тебе человеческий голос подаст он,
Снова принявши тот образ, в каком он заснул, – вы немедля
Бросьте его; и тогда, благородному старцу свободу
Давши, спроси ты, какой из богов раздражен и успешно ль
Рыбообильного моря путем ты домой возвратишься?»

[425] Кончив, она погрузилась в морское глубокое лоно.
Я же пошел к кораблям, на песке неподвижно стоявшим,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;
К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
[430] Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.

Встала из мрака молодая с перстами багряными Эос;
Вдоль по отлогому влажно-песчаному берегу, с молитвой
Прежде колена склонив пред богами, пошел я; со мною
Были три спутника сильных, на всякое дело отважных.
[435] Тою порой, погрузившись в глубокое море, четыре
Кожи тюленьи из вод принесла нам богиня; недавно
Содраны были они. Чтоб отца обмануть, на песчаном
Береге ямы она приготовила нам и сидела,
Нас ожидая. Немедля все четверо к ней подошли мы.
[440] В ямы улавли и кожами сверху покрыв нас, богиня
Там повелела нам ждать, притаясь; нестерпимо нас мучил
Смрад тюленей, напивавшихся горечью влаги соленой,
Сносно ль меж чудами моря живому лежать человеку?
Но Эйдофея беде помогла и страдание наше
[445] Кончила, ноздри амброзией нам благовонной помазав:
Был во мгновение запах чудовищ морских уничтожен.
Целое утро с мучительной мы пролежали тоскою.
Стаею вышли из вод, наконец, тюлени и рядами
Друг подле друга вдоль шумного берега все улеглись.
[450] В полдень же с моря поднялся и старец.
Своих тюленей он
Жирных увидя, пошел к ним, и начал считать их, и первых
Счел меж своими подводными чудами нас, не проникнув
Тайного кова; и сам напоследок меж ними улегся.
Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
[455] Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромною льва обратился;
После предстал нам драконом, пантерой, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали.
[460] Он напоследок, увидя, что все чародейства напрасны,
Сделался тих и ко мне, наконец, обратился с вопросом:
«Кто из бессмертных тебе указал, Менелай благородный,
Средство обманом меня пересилить? Чего ты желаешь?»
Так он спросил у меня, и, ему отвечая, сказал я:
[465] «Старец, тебе уж известно (зачем притворяться?),
что медлю
Здесь я давно поневоле, не зная, на что мне решиться,
Сердцем тревожась и спутников всех повергая в унылость.
Лучше скажи мне (всё ведать должны вы, могучие боги),
Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
[470] Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?»
Так у него я спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Должен бы Зевсу владыке и прочим богам гекатомбу
Ты, с кораблями пускаясь в путь, совершить, чтоб скорее,
Темное море измерив, в отчизну свою возвратиться.
[475] Знай, что тебе суждено не видать ни возлюбленных
ближних
В светлом жилище своем, ни желанного края отчизны

Прежде, пока ты к бегущему с неба потоку Египту
Вновь не придешь и обещанной там не свершишь гекатомбы
Зевсу и прочим богам, беспредельного неба владыкам.
[480] Иначе боги увидеть отчизну тебе не позволят».
Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
Было мне страшно, предавшись тревогам туманного моря,
Вновь продолжительно-трудным путем возвращаться в Египет.
Так напоследок, ответствуя, хитрому старцу сказал я:
[485] «Что повелел ты, божественный старец, то все я исполню;
Ты же теперь объяви, ничего от меня не скрывая:
Все ль в кораблях невредимы ахейцы, с которыми в Трое
Мы разлучились, Нестор и я, возвратились в отчизну?
Кто злополучный из них на дороге погиб с кораблями?
[490] Кто на руках у друзей, перенесши тревоги, скончался?»
Так я спросил у него, и, ответствуя, так мне сказал он:
«Царь Менелай! Не к добру ты меня вопрошаешь, и лучше б
Было тебе и не знать и меня не расспрашивать: горько
Плакать ты будешь, когда обо всем расскажу я подробно.
[495] Многих уж нет; но и живы остались многие; двум лишь
Только вождям меднолатных аргивян домой возвратиться
Смерть запретила (кто пал на сражение, то ведаешь сам ты);
Третий живой средь пустынного моря в неволе крушится.
С длинновесельными в бурю морскую погиб кораблями
[500] Сын Оилеев Аякс; Посейдон их к великой Гирейской
Бросил скале; самого же Аякса из вод он исторгнул;
Спасся б от гибели он вопреки раздраженной Афине,
Если б в безумстве изречь не дерзнул святотатного слова:
Он похвалился, что против богов избежит потопленья.
[505] Дерзкое слово царем Посейдоном услышано было;
Сильной рукой он во гневе схватил свой ужасный трезубец,
Им по Гирейской ударил скале, и скала раздвоилась;
Часть устояла: кусками рассыпавшись, в море другая
Рухнула вместе с висевшим на ней святотатным Аяксом;
[510] С нею и он погрузился в широкошумящее море;
Так он погиб, злополучный, упившись соленою влагой.
Брат твой сначала судьбы избежал: невредимо ко берегу
Он с кораблями достиг, сохраненный владычицей Герой.
Но тогда, как в виду неприступных утесов Малеи
[515] Был он, внезапно воздвигнулась буря, и рыбообильным
Морем его, вопиющего жалобно, к крайним пределам
Области бросило той, где Фиест обитал и где после
Царское было жилище Фиестова сына, Эгиста.
Скоро, однако, опять успокоилось море, и боги
[520] Ветер попутный им дали: в отечество их проводил он.
Радостно вождь Агамемнон ступил на родительский берег.
Стал целовать он отечество милое; снова увидя
Землю желанную, пролил обильно он теплые слезы.
Но издалека с подозрной стоянки увидел Атрида
[525] Сторож, Эгистом поставленный (злое замысла, ему он

Дать обещал два таланта); и там наблюдал он уж целый
Год, чтоб Атрид не застал их врасплох, возвратясь внезапно.
С вестью о нем роковой побежал он в жилище Эгиста.
Ков смертоносный тогда хитроумный Эгист приготовил:
[530] Двадцать отважных мужей из народа немедля
он выбрав,
Скрыл их близ дома, где был приготовлен обед изобильный;
Взяв колесницы с конями, к царю он Атриду навстречу
С ласковым зовом пошел, замышляя недоброе в сердце;
Введши его, подозрению чуждого, в дом, на веселом
[535] Пире его он убил, как быка убивают при яслях;
Люди, с Атридом пришедшие, все до единого пали,
Но и Эгистовы с ними сообщники также погибли».
Так он сказал, и во мне растерзалось милое сердце:
Горько заплакав, упал я на землю; мне стала противна
[540] Жизнь, и на солнечный свет поглядеть не хотел я,
и долго
Плакал, и долго лежал на земле, безутешно рыдая.
Но напоследок сказал мне морской проницательный старец:
«Царь Менелай, сокрушать столь жестоко себя ты не должен;
Слезы твои ничему не помогут: а лучше подумай,
[545] Как бы тебе самому возвратиться скорее в отчизну.
Или застанешь его ты живого, иль будет Орестом
Он уж убит; ты тогда подоспеешь к его погребенью».
Так он сказал, ободрился мой дух, и могучее снова
Сердце мое, несмотря на великую скорбь, оживилось.
[550] Голос возвысив, я бросил Протею крылатое слово:
«Знаю теперь о двоих; объяви же, кто третий, который,
Морем объятый, живой, говоришь ты, в неволе крушится?
Или уж нет и его? Сколь ни горько, но слушать готов я».
Так я Протея спросил, и, ответствуя, так мне сказал он:
[555] «Это Лаэртос божественный сын, обладатель Итаки.
Видел его я на острове, льющего слезы обильно
В светлом жилище Калипсо, богини богинь, произвольно
Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
[560] Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное:
Ты не умрешь и не встретишь судьбы в многоконном Аргосе;
Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами- туда, где живет Радамант златовласый
[565] (Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает,
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным),
Ибо супруг ты Елены и зять громовержца Зевеса».
[570] Так он сказав, погрузился в морское глубокое лоно.
Я же с друзьями отважными вновь к кораблям возвратился,
Многими, сердце мое волновавшими, мыслями полный;

К морю пришед и к моим кораблям, на вечернюю пищу
Собрал людей я; божественно-темная ночь наступила;
[575] Все мы заснули под говором волн, ударяющих в берег.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос;
Сдвинули с берега мы корабли на священное море;
Мачты подняв и развев паруса, на судах собралися
Все мореходные люди и, севши у весел на лавках,
[580] Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Снова направил к бегущему с неба потоку Египту
Я корабли и успешно на бреге его совершил гекатомбу;
После ж, когда примирил я богов, совершив гекатомбу,
Холм гробовой Агамемнону брату на вечную память
[585] Там я насыпал; и поплыли мы, и послали попутный
Ветер нам боги; в отечество милое нас проводил он.
Ты ж, Телемах, у меня погостишь и отсель не поедешь
Прежде, пока не свершится одиннадцать дней иль двенадцать;
После тебя отпущу с дорогими подарками; дам я
[590] Трех быстроногих коней с колесницей блестящей
и с ними
Редкой работы кувшин, из которого будешь вседневно
Ты, поминая меня, пред богами творить возлиянье». —
«Царь Менелай, – отвечал рассудительный сын Одиссеев. —
Долго меня не держи, тороплюся домой я безмерно;
[595] Здесь у тебя я с великою радостью мог бы и целый
Год провести, не подумав в отчизну к родным возвратиться,
Так несказанно твои разговоры и речи пленяют
Душу мою; но сопутники в Пилосе ждут с нетерпением
Ныне меня: ты ж, напротив, желаешь, чтоб здесь я промедлил.
[600] Дай мне в подарок такое, что мог бы удобно хранить я
Дома; коней же в Итаку мне взять невозможно: оставь их
Здесь утешеньем себе самому; ты владеешь землею
Тучных равнин, где родится обильно и лотос и галгант
С яркой пшеницей, и полбой, и густо цветущим ячменем.
[605] Мы ж ни широких полей, ни лугов не имеем в Итаке;
Горные пажити наши для коз, не для коней привольны;
Редко лугами богат и коням легконогим приютен
Остров, объятый волнами; Итака же менее прочих».
Он замолчал. Улыбнулся Атрид, вызыватель в сраженье;
[610] Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказал он:
«Вижу из слов я твоих, что твоя благородна порода,
Сын мой; но вместо коней я могу подарить и другое,
Это легко мне; из многих сокровищ, которыми дом мой
Полон, я самое редкое, лучшее выберу ныне;
[615] Дам пировую кратеру богатую; эта кратера
Вся из серебра, но края золотые, искусной работы
Бога Гефеста; ее подарил мне Федим благородный,
Царь сидонян, в то время, когда, возвращаясь в отчизну,
В доме его я гостил, и ее от меня ты получишь».
[620] Так говорили о многом они, беседуя сладко.

В доме царя собралися тем временем званные гости,
Коз и овец приведа и вина дорогого принеши
(Хлеб же прислали их жены, ходящие в светлых повязках).
Так все готовилось к пиру в высоких палатах Атрида.
[625] Тою порой женихи в Одиссеевом доме бросаньем
Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись
Все на мощеном дворе, где бывали их буйные игры.
Но Антиной с Евримахом прекрасным сидели особо,
Прочих вожди, перед всеми отличные мужеской силой.
[630] Фрониев сын Ноемон, подошед к ним, сидевшим особо,
Слово такое сказал, обратясь к Антиною с вопросом:
«Может ли кто мне из вас, Антиной, объявить, иль не может,
Скоро ль назад Телемах из песчаного Пилоса будет?
Взят у меня им корабль – самому мне он надобен ныне:
[635] Плыть мне в Элиду широкополянную нужно; двенадцать
Там у меня кобылиц и табун лошаков работающих;
Дикие все; я хотел бы поймать одного, чтоб объездить».
Так он сказал; женихи изумились; взойти не могло им
В мысли, чтоб был он в Нелеевом Пилосе; мнили, напротив,
[640] Все, что ушел он иль в поле к стадам,
иль к своим свинопасам.
Строго тогда Антиной, сын Евпейтов, спросил Ноемона:
«Все объяви нам по правде: когда он уехал? Какие
Были с ним люди? Свободные ль, взятые им из народа?
Или наемники? Или рабы? Как успел он то сделать?
[645] Также скажи откровенно, чтоб истину ведать могли мы:
Силою ль взял у тебя он корабль быстроходный, иль сам ты
Отдал его произвольно, как скоро о том попросил он?»
Фрониев сын Ноемон, отвечая, сказал Антиною:
«Отдал я сам произвольно, и всякий другой поступил бы
[650] Так же, когда бы к нему обратился такой огорченный
С просьбою муж – ни один бы ему отказать не помыслил.
Люди ж, им взятые, все молодые, из самых отличных
Выбраны граждан; и их предводителем был, я заметил,
Ментор иль кто из бессмертных, облекшийся в Менторов образ:
[655] Ибо я был изумлен несказанно – божественный Ментор
Встретился здесь мне вчера, хоть и сел на корабль
он с другими».
Так он сказавши, пошел, чтоб к родителю в дом возвратиться.
Но Антиной с Евримахом исполнены были тревоги;
Бросив игру, женихи собралися и сели кругом их.
[660] К ним обратясь, сказал Антиной, сын Евпейтов, кипящий
Гневом, – и грудь у него подымалась, теснимая черной
Злостью, и очи его, как огонь пламенеющий, рдели:
«Горе нам! Дело великое сделал, так смело пустившись
В путь, Телемах; от него мы подобной отваги не ждали:
[665] Нам вопреки, он, ребенок, отсюда ушел самовольно,
Прочный добывши корабль и отличнейших взяв из народа.
Будет вперед нам и зло и беда от него. Но погибни

Сам от Зевеса он прежде, чем бедствие наше созреет!
Вы ж мне корабль с двадцатью снарядите гребцами, чтоб мог я,
[670] В море за ним устремившись, его на возвратной дороге
Между Итакой и Замом крутым подстеречь, чтоб в погибель
Плавание вслед за отцом для него самого обратилось».
Так он сказал, изъявили свое одобренье другие.
Вставши, все вместе они возвратились в дом Одиссеев.
[675] Но Пенелопа недолго в незнание осталась о хитром
Буйных ее женихов заговоре на жизнь Телемаха;
Все ей Медонт, благородный глашатай, открыл: недалеко
Был он, когда совещались они, и подслушал их речи.
С вестью немедленно он по дворцу побежал к Пенелопе.
[680] Встретив его на пороге своем; Пенелопа спросила:
«С чем ты, Медонт, женихами сюда благородными прислан?
С тем ли, чтоб мне объявить, что рабыням царя Одиссея
Должно, оставив работы, обед им скорей приготовить?
О, когда бы они от меня отступились! Когда бы
[685] Это их пиршество было последним в обители нашей!
Вы, разорители нашего дома, губящие жадно
Все достояние в нем Телемахово, или ни разу
В детских вам летах от ваших разумных отцов не случилось
Слышать, каков Одиссей был в своем обхождении с ними,
[690] Как никому не нанес он ни словом, ни делом обиды
В целом народе; хотя многосильным царям и обычно
Тех из людей земнородных любить, а других ненавидеть,
Но от него не видал оскорбления никто из живущих.
Здесь же лишь ваше бесстыдство, лишь буйные ваши поступки
[695] Видны; а быть за добро благодарными вам неуместно».
Умные мысли имея, Медонт отвечал Пенелопе:
«О царица, когда бы лишь в этом все зло заключалось!
Но женихи величайшей, ужаснейшей нам угрожают
Ныне бедой – да успеха не даст им Зевес громовержец!
[700] Острым мечом замышляют они умертвить Телемаха,
Выждав его на возвратном пути: о родителе сведать
Поплыл он в Пилос божественный, в царственный
град Лакедемон».
Так он сказал; задрожали колена и сердце у бедной
Матери; долго была бессловесна она, и слезами
[705] Очи ее затмевались, и ей не покорствовал голос.
С духом собравшись, она, наконец, отвечая, сказала:
«Что удалиться, Медонт, побудило дитя мое? Нужно ль
Было вверяться ему кораблям, водяными конями
Быстро носящим людей мореходных по влаге пространной?
[710] Иль захотел он, чтоб в людях и имя его истребилось?»
Выслушав слово ее, благородный Медонт отвечал ей:
«Мне неизвестно, внушенью ль он бога последовал, сам ли
В сердце отплытие в Пилос замыслил, чтоб сведать, в какую
Землю родитель судьбиною брошен и что претерпел он».
[715] Кончив, разумный Медонт удалился из царского дома.

Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться
Доле на стуле она не могла; хоть и много их было
В светлых покоях ее, но она на пороге сидела,
Жалобно плача. С рыданием к ней собрались рабыни,
[720] Сколько их ни было в царском жилище и юных и старых.
Сильно скорбя посреди их, сказала им так Пенелопа:
«Слушайте, милые; дал мне печали Зевес Олимпиец
Более всех, на земле современно со мною рожденных;
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
[725] Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос.
Ныне ж и милый мой сын не со мною; бесславно умчали
Бури отсюда его, и о том я не сведала прежде;
О вы, безумные, как ни одной, ни одной не пришло вам
[730] Вовремя в мысли меня разбудить? А, конечно, уж знали
Все вы, что он собрался в корабле удалиться отсюда.
О, для чего не сказал мне никто, что отплыть он замыслил!
Или тогда б, отложивши отъезд, он остался со мною,
Или сама б я осталась мертвою в этом жилище.
[735] Но позовите скорее ко мне старика Долиона;
Верный слуга он; в приданое дан мне отцом и усердно
Смотрит за садом моим плодоносным. К Лаэрту немедленно
Должен пойти он и, сев близ него, о случившемся ныне
Старцу сказать; и Лаэрт, все разумно обдумав, быть может,
[740] С плачем предстанет народу, который губить допускает
Внука его, Одиссеева богоподобного сына».
Тут Евриклея, усердная няня, сказала царице:
«Свет наш царица, казнить ли меня беспощадною медью
Ты повелишь, иль помилуешь, я ничего не сокрою.
[745] Было известно мне все; по его повеленью дала я
Хлеб и вино на дорогу; с меня же великую клятву
Взял он: молчать до двенадцати дней, иль пока ты не спросишь,
Где он, сама, иль другой кто отъезда его не откроет.
Свежесть лица твоего, он боялся, от плача поблекнет.
[750] Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись одеждой,
Вместе с рабынями в верхний покой свой пойдешь и молитву
Там сотвори перед дочерью Зевса эгидодержавца;
Ею, конечно, он будет спасен от грозящая смерти.
Но не печаль старика, уж печального; вечные боги,
[755] Думаю я, не совсем отвратились еще от потомков
Аркесиады; и род их всегда обладателем будет
Царского дома, и нив, и полей плодоносных в Итаке».
Так Евриклея сказала; утихла печаль, осушились
Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись одеждой,
[760] Вместе с рабынями в верхний покой свой пошла Пенелопа.
Чашу наполнив ячменем, она возгласила к Афине:
«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Афина,
Если когда Одиссей благородный в сем доме обильно
Тучные бедра быков и овец сожигал пред тобою,

[765] Вспомни об этом теперь и спаси Одиссеева сына,
Козни моих женихов злонамеренных ныне разрушив».
Так помолилась она, и не втуне осталась молитва.
Тою порой женихи в потемневшей палате шумели.
Так говорили иные из них, безрассудно надменных:
[770] «Верно, теперь многославная наша царица готовит
Свадьбу, не мысля о том, что от нас приготовлено сыну».
Так говорили они, не предвидя того, что и всем им
Было готово. Созвав их, сказал Антиной, негодуя:
«Буйные люди, советую вам от таких неразумных
[775] Слов воздержаться, чтоб кто-нибудь здесь разгласить
их не вздумал.
Лучше, отсель удаляясь в молчанье, исполним на деле
То, что теперь на совете согласном своем положили».
Выбрав отважнейших двадцать мужей из народа, поспешно
С ними пошел к кораблям он, стоявшим на берегу песчаном.
[780] Сдвинув с песчаного берега корабль на глубокое море,
Мачту они утвердили на нем, все уладили снасти,
В крепкоременные петли просунули длинные весла,
Должным порядком потом паруса натянули. Когда же
Смелые слуги с оружием их собрались, все вместе,
[785] Сев на корабль и его отведя на открытое взморье,
Ужинать стали они в ожиданье пришествия ночи.
Той порою в высоком покое своем Пенелопа
Грустно лежала одна, ни еды, ни питья не вкушавши,
Мыслью о том лишь тревожась, спасется ли сын беспорочный,
[790] Или погибнет, сраженный рукою убийц вероломных?
Словно как лев, окружаемый мало-помалу стрелками,
С трепетом видит, что скоро их цепью он будет обхвачен,
Так от своих размышлений она трепетала. Но мирный
Сон прилетел и ее улелеял, и все в ней утихло.
[795] Добрая мысль пробудилась тогда в благосклонной
Палладе:
Призрак она сотворила, имевший наружность прекрасной
Дочери старца Икария, светлой Ифтимы, с которой
Царь фессалийския Феры, могучий Евмел, сочетался.
В дом Одиссеев послала тот призрак Афина, дабы он
[800] Там, подошед к погруженной в печаль Пенелопе, ей слезы
Легкой рукою отер и ее утолил сокрушенье.
В спальню проникнул, ремня у задвижки не тронув, бесплотный
Призрак, подкрался и, став над ее головою, промолвил:
«Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскует ли милое сердце?
[805] Боги, живущие легкою жизнью, тебе запрещают
Плакать и сетовать: твой Телемах невредим возвратится
Скоро к тебе; он богов никакой не прогневал виною».
Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала,
Полная сладкой дремоты в безмолвных вратах сновидений:
[810] «Друг мой, сестра, как пришла ты сюда?
Ты доныне так редко

Нас посещала, в далеком отсюда краю обитая.
Как же ты хочешь, чтоб я перестала скорбеть и крушиться,
Горе, объяввшее дух мой и сердце мое, позабывши?
Прежде погиб мой супруг, одаренный могуществом львиным,
[815] Всякой высокою доблестью в сонме данаев отличный,
Столь преисполнивший славой своей и Элладу и Аргос;
Ныне ж и милый мой сын не со мной: он отважился в море,
Отрок, нужды не выдавший, с людьми говорить не обывший.
Боле о нем я крушусь теперь, чем о бедном супруге;
[820] Сердце дрожит за него, чтоб беды с ним какой
не случилось
На море злом иль в чужой стороне у чужого народа.
Здесь же враждебные люди его стерегут, приготовив
В мыслях погибель ему на возвратной дороге в отчизну».
Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
[825] «Будь же спокойна и сердца не мучь, безрассудно
тревожась
Спутница есть у него и такая, которой бы всякий
Смертный с надеждою вверил себя – для нее все возможно, —
Дочь громовержца Афина сама. О тебе сожалея,
Доброю вестью твой дух ободрить мне велела богиня».
[830] Мнимой сестре Пенелопа разумная так отвечала:
«Если ты вправду богиня и слышала голос богини,
То, умоляю, открой и его мне печальную участь.
Где он, злосчастный? Еще ли он видит сияние солнца?
Или его уж не стало и в область Аида сошел он?»
[835] Темный призрак, ответствуя, так прошептал Пенелопе:
«Я ничего не могу объявить о судьбе Одиссея;
Жив ли, погиб ли, сказать мне нельзя: пусторечие вредно».
Призрак тогда, сквозь замочную скважину двери провев
Воздухом легким, пропал. Пробудясь от сна, Пенелопа
[840] Ложе покинула; сердцем она ожила, поелику
Явно в глубокую полночь предстал ей пророческий образ.
Тою порой женихи в корабле водяною дорогой
Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаху готовя.
Есть на равнине соленого моря утесистый остров
[845] Между Итакой и Замом гористым; его именуют
Астером; он невелик; корабли там уютная пристань
С двух берегов принимает. Там стали на страже ахейцы.

Песнь пятая

Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На небо вышла сиять для блаженных богов и для смертных.
Боги тогда собрались на великий совет; председал им
В тучах гремящий Зевес, всемогущею властью первый.
[5] Стала Афина рассказывать им о бедах Одиссея,
В сердце тревожась долгой неволей его у Калипсо:
«Зевс, наш отец и владыка, блаженные, вечные боги,
Кротким, благим и приветливым быть уж теперь ни единый
Царь скиптроносный не должен, но, правду из сердца
изгнавши,
Каждый пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, —
[10] Если могли вы за быть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный;
Брошенный бурей на остров, он горе великое терпит
В светлом жилище могучей богини Калипсо, насильно
[15] Им овладевшей; и путь для него уничтожен возвратный:
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Ныне ж враги и младого хотят умертвить Телемаха,
В море внезапно напав на него: о родителе сведать
[20] Поплыл он в Пилос божественный,
в царственный град Лакедемон».
Ей возражая, отвечивал туч собиратель Кронион:
«Странное, дочь моя, слово из уст у тебя излетело.
Ты не сама ли рассудком решила своим, что погубит
Некогда всех их, домой возвратясь, Одиссей? Телемаха ж
[25] Ты проводи осторожно сама – то, конечно, ты можешь;
Пусть невредимо он в милую землю отцов возвратится:
Пусть и они, не свершив злодеянья, придут в Итаку».
Так отвечав, обратился он к Эрмию, милому сыну:
«Эрмий, наш вестник заботливый, нимфе прекраснокудрявой
[30] Ныне лети объявить от богов, что отчизну увидеть
Срок наступил Одиссею, в бедах постоянному; путь свой
Он совершит без участия свыше, без помощи смертных;

Морем, на крепком плоту, повстречавши опасного много,
В день двадцатый достигнет он берега Схерии тучной,
[35] Где обитают родные богам феакийцы; и будет
Ими ему, как бессмертному богу, оказана почесть:
В милую землю отцов с кораблем их отплыв, он в подарок
Меди, и злата, и разных одежд драгоценных получит
Много, столь много, что даже из Трои подобной добычи
[40] Он не привез бы, когда б беспрепятственно
мог возвратиться.
Так, напоследок, по воле судьбы, он возлюбленных ближних,

Землю отцов и богато украшенный дом свой увидит».
Кончил. И медлить не стал благовестник, аргусоубийца.
К светлым ногам привязавши свои золотые подошвы,
[45] Амброзиальные, всюду его над водой и над твердым
Лоном земли беспредельныя легким носящие ветром,
Взял он и жезл свой, по воле его наводящий на бодрых
Сон, отверзающий сном затворенные очи у спящих.
В путь устремился с жезлом многосильный убийца Аргуса.
[50] Скоро, достигнув Пиерии, к морю с эфира слетел он;
Быстро помчался потом по волнам рыболовом крылатым,
Жадно хватающим рыб из отверстого бурею недра
Бездны бесплодно-соленой, купая в ней сильные крылья.
Легкою птицей морской пролетев над пучиною, Эрмий
[55] Острова, морем вдали сокровенного, скоро достигнул.
С зыби широко-туманной на твердую землю поднявшись,
Берегом к темному гроту пошел он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и ее самое там увидел.
Пламень трескучий сверкал на ее очаге, и весь остров
[60] Был накурен благовонием кедра и дерева жизни,
Ярко пылавших. И голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя с челноком золотым за узорною тканью.
Густо разросшись, отовсюду пещеру ее окружали
Тополы, ольхи и сладкий лиющие дух кипарисы;
[65] В лиственных сенях гнездились там длиннокрылые
птицы,
Копчики, совы, морские вороны крикливые, шумной
Стаей по взморью ходящие, пищи себе добывая;
Сетью зеленою стены глубокого грота окинув,
Рос виноград, и на ветвях тяжелые грозды висели;
[70] Светлой струею четыре источника рядом бежали
Близко один от другого, туда и сюда извиваясь;
Вкруг зеленели густые луга, и фиалок и злаков
Полные сочных. Когда бы в то место зашел и бессмертный
Бог – изумился б, и радость в его бы проникнула сердце,
[75] Был изумлен и богов благовестник, сразитель Аргуса;
Но, посмотревши на все с изумленьем и радостью сердца,
В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
[80] Даже когда б и великое их разлучало пространство).
Но Одиссея, могучего мужа, там Эрмий не встретил;
Он одиноко сидел на утесистом бреге и плакал;
Горем и вздохами душу питая, там дни проводил он,
Взор, помраченный слезами, вперив на пустынное море.
[85] Эрмия сесть приглася на богато украшенных креслах,
Нимфа, богиня богинь, у него с любопытством спросила:
«Эрмий, носитель жезла золотого, почтенный и милый
Гость мой, зачем прилетел? У меня никогда не бывал ты
Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно исполню,

[90] Если исполнить возможно и если властна я исполнить.
Прежде, однако, ты должен принять от меня угощение».
С сими словами богиня, поставивши стол перед гостем,
С сладкой амброзией нектар ему подала пурпуровый.
Пищи охотно вкусил благовестник, убийца Аргуса.
[95] Душу довольно свою насладивши божественной пищей,
Словом таким он отвечивал нимфе прекраснокудрявой:
«Знать от меня ты – от бога богиня – желаешь, зачем я
Здесь? Объявлю все поистине, волю твою исполняя.
Послан Зевесом, не сам произвольно сюда прилетел я, —
[100] Кто произвольно захочет измерить бесплодного моря
Степь несказанную, где не увидишь жилищ человека,
Жертвами чтущего нас, приносящего нам гекатомбы?
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет
Между богов ни один от себя отклонить, ни нарушить.
[105] Ведомо Дию, что скрыт у тебя злополучнейший самый
Муж из мужей, перед градом Приама сражавшихся девять
Лет, на десятый же, град ниспровергнув, отплывших в отчизну;
Но при отплытии дерзко они раздражили Афины:
Бури послала на них и великие волны богиня.
[110] Он же, спутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
Требуют боги, чтоб был он немедля тобою отослан;
Ибо ему не судьба умереть далеко от отчизны;
Воля, напротив, судьбы, чтоб возлюбленных ближних, родную
[115] Землю и светло-устроенный дом свой опять он увидел».
Так он сказал ей. Калипсо, богиня богинь, содрогнувшись,
Голос возвысила свой и крылатое бросила слово:
«Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам непреклонны!
Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе
[120] Смертного мужа и нам он становится милым супругом.
Так Орион светоносною Эос был некогда избран;
Гнали его вы, живущие легкою жизнью боги,
Гнали до тех пор, пока златотронная он Артемиды
Тихой стрелою в Ортигии не был внезапно застрелен.
[125] Так Ясион был прекраснокудрявой Деметрой избран;
Сердцем его возлюбя, разделила с ним ложе богиня
На поле, три раза вспаханном; скоро о том извещен был
Зевс, и его умертвил он, низринувши пламенный гром свой.
Ныне я вас прогневала, боги, дав смертному мужу
[130] Помощь, когда, обхватив корабельную доску, в волнах он
Гибнул – корабль же его быстроходный был пламенным
громом
Зевса разбит посреди беспредельно-пустынного моря:
Так он, спутников верных своих потеряв, напоследок,
Схваченный бурей, сюда был волнами великими брошен.
[135] Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
Милому дать и бессмертье и вечно-цветущую младость.
Но повелений Зевеса эгидодержавца не смеет

Между богов ни один отклонить от себя, ни нарушить;
Пусть он – когда уж того так упорно желает Кронион —
[140] Морю неверному снова предастся; помочь я не в силах;
Нет корабля, ни людей мореходных, с которыми мог бы
Он безопасно пройти по хребту многоводного моря.
Дать лишь совет осторожный властна я, дабы он отсюда
Мог беспрепятственно в милую землю отцов возвратиться».
[145] Ей отвечая, сказал благовестник, убийца Аргуса:
«Волю Зевеса уважив, немедля его отошли ты,
Или, богов раздражив, на себя навлечешь наказание».
Так отвечав, удалился бессмертных крылатый посланник.
Светлая нимфа пошла к Одиссею, могучему мужу,
[150] Волю Зевеса принявши из уст благовестного бога.
Он одиноко сидел на утесистом бреге, и очи
Были в слезах; утекала медлительно капля за каплей
Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
Сердцем к богине, с ней ночи свои он делил принужденно
[155] В гроте глубоком, желанью ее непокорный желаньем.
Дни же свои проводил он, сидя на прибрежном утесе,
Горем, и плачем, и вздохами душу питая и очи,
Полные слез, обратив на пустыню бесплодного моря.
Близко к нему подошедши, сказала могучая нимфа:
[160] «Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушенье
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Бруснях, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.
[165] Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно
Я на дорогу тебя, чтоб и голод и жажду легко ты
Мог утолять; и одежды я дам; и пошлю за тобою
Ветер попутный, чтоб милой отчизны своей ты достигнул,
Если угодно богам, беспредельного неба владыкам, —
[170] Мне же ни разумом с ними, ни властью равняться
не можно».
Так говорила она. Одиссей, постоянный в бедах, содрогнулся;
Голос возвысив, он бросил богине крылатое слово:
«В мыслях твоих не отъезд мой, а нечто иное, богиня;
Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
[175] Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
Редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?
Нет, против воли твоей не взойду я на плот ненадежный
Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне».
[180] Так говорил он. Калипсо, богиня богинь, улыбнулась;
Щеки ему потрепавши рукою, она отвечала:
«Правду сказать, ты хитрец, и чрезмерно твой ум осторожен;
Странное слово, однако, ответствуя мне, произнес ты.
Но я клянусь и землей плодоносной и небом великим,
[185] Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой,

страшной

Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне,
Нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
Если б в таком же была, как и ты, затрудненье великом;
[190] Правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,
Бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце».
Кончив, богиня богинь впереди Одиссея поспешным
Шагом пошла, и поспешно пошел Одиссей за богиней.
С нею (с бессмертною смертный), достигнув глубокого грота,
[195] Сел Одиссей на богатых, оставленных Эрмием, креслах.
Нимфа Калипсо, ему для еды и питья предложивши
Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,
Место напротив его заняла за трапезой; рабыни
Ей благовонной амброзии подали с нектаром сладким.
[200] Подняли руки они к приготовленной лакомой пище:
После ж, когда утолен был их голод питьем и едою,
Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею сказала:
«О Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
В милую землю отцов, наконец, предприняв возвратиться,
[205] Хочешь немедля меня ты покинуть – прости!

Но когда бы

Сердцем предчувствовать мог ты, какие судьба назначает
Злые тревоги тебе испытать до прибытия в дом свой,
Ты бы остался со мною в моем безмятежном жилище.
Был бы тогда ты бессмертен. Но сердцем ты жаждешь
свиданья

[210] С верной супругой, о ней ежечасно крушась и печалась.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни стройным
Станом не хуже ее; да и могут ли смертные жены
С нами, богинями, спорить своею земной красотою?»
Ей возражая, отвечивал так Одиссей многоумный:
[215] «Выслушай, светлая нимфа, без гнева меня; я довольно
Знаю и сам, что не можно с тобой Пенелопе разумной,
Смертной жене с вечно юной бессмертной богиней,
ни стройным

Станом своим, ни лица своего красотою равняться;
Всё я, однако, всечасно крушась и печалась, желаю
[220] Дом свой увидеть и сладостный день возвращения
встретить,

Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной
Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:
Много встречал я напастей, немало трудов перенес я
В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно
[225] Дию». Он кончил. Тем временем солнце зашло, и ночная
Тьма наступила. Во внутренность грота они удалившись,
Там насладились любовью, всю ночь проведя неразлучно.
Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Встал Одиссей и поспешно облекся в хитон и хламиду.

[230] Светло-серебряной ризой из тонковоздушных тканей
Плечи одела богиня свои, золотым драгоценным
Поясом стан обвила и покров с головы опустила.
Кончив, она собирать начала Одиссея в дорогу;
Выбрала прежде топор, по руке ему сделанный, крепкий,
[235] Медный, с обеих сторон изошренный, насаженный
плотно,
С ловкой, красиво из твердой оливы сработанной ручкой;
Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
Вместе во внутренность острова: множество там находилось
Тополей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен,
[240] Старых, иссохших на солнечном зное, для плавания
легких.
Место ему показав, где была та великая роща,
В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
Двадцать он бревен срубил, их очистил, их острою медью
[245] Выскоблил гладко, потом уравнил, по снуру обтесавши.
Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
Длинными болтами сшив и большими просунув шипами;
Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое
[250] Муж, в корабельном художестве опытный,
строит на прочном
Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным.
Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,
[255] Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из раkitных
Сучьев, на дно же различного груза для тяжести бросил.
Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
Крепкой ему принесла. И, устроивши парус (к нему же
[260] Все, чтоб его развивать и свивать, прикрепивши
веревки),
Он рычагами могучими сдвинул свой плот на священное море.
День совершился четвертый, когда он окончил работу.
В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
Баней его освежив и душистой облекши одеждой,
[265] Нимфа три меха на плот принесла: был один
драгоценным
Полон напитком, другой ключевою водою, а третий
Хлебом, дорожным запасом и разною лакомою пищею.
Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.
Радостно парус напрег Одиссей и, попутному ветру
[270] Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей рукою
Руль обращая, он бодрствовал; сон на его не спускался
Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего поздно
В море Воота, с Медведицы, в людях еще Колесницы

Имя носящей и близ Ориона свершающей вечно
[275] Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.
С нею богиня богинь повелела ему неусыпно
Путь соглашать свой, ее оставляя по левую руку.
Дней совершилось семнадцать с тех пор, как пустился
он в море;
Вдруг на осьмнадцатый видимы стали вдали над водами
[280] Горы тенистой земли феакиан, уже недалеко:
Черным щитом на туманистом море она простиралась.
В это мгновение земли колебатель могучий, покинув
Край эфиопян, с далеких Солимских высот Одиссея
В море увидел: его он узнал; в нем разгневалось сердце;
[285] Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой,
он воскликнул:
«Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян
Праздновал, мне вопреки, согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феакиан, где встретить напастей,
Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я
[290] Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить».
Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбуровил и бурю воздвиг, отовсюду призвав
Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.
[295] Разом и Евр, и полуденный Нот, и Зефир, и могучий,
Светлым рожденный Эфиром, Борей взволновали пучину.
В ужас пришел Одиссей, задрожали колена и сердце.
Скорбью объятый, сказал своему он великому сердцу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.